

Татьяна Веденская

Кот, который
гуляет со мной

роман

Лучшие романы об отношениях мужчины и женщины от одного из самых ярких авторов российского мейнстрима. Возвращают к счастливой жизни быстрее, чем сеансы психотерапевта.

Татьяна Веденская
Кот, который гуляет со мной
Серия «Позитивная проза
Татьяны Веденской»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23230035
Кот, который гуляет со мной : роман / Татьяна Веденская:
Издательство «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-95780-4

Аннотация

У пессимистки Фаи Ромашиной «все еще хуже» – ее отдел отстранен от работы, начальник пропал, сестра беременна, а мужчина ее мечты, психотерапевт Игорь, после свидания пропал и не звонит. Фая клянется, что не станет звонить ему первой, но и ждать у моря погоды не в ее стиле. Девушка пытается найти ответы на все вопросы, используя «научные методы». Полученные выводы удивляют не только ее.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	57
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Татьяна Веденская

Кот, который гуляет со мной

*Нижеизложенное описание жизни,
метаний и тревожений Фаины Ромашиной
является вымыслом, допущением
и параллельной реальностью автора*

«Зачем искать иголку в стоге сена?

*Нужно воспользоваться магнитом, а сено
сжечь».*

Эти ваши интернеты

*«Дамы и господа! За этими стенами
вас никогда не коснется когнитивный диссонанс.*

*Поэтому вам совершенно незачем знать, что
это такое».*

Пелевин, «Generation П»

© Саенко Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Пессимисты живут дольше, но разве это их радует?

Все было очень плохо, куда хуже, чем предполагали ее величество Теория Вероятности и ее придворная дама Статистика. Я сидела на теплом от проводов, грязном ковролиновом полу двадцать шестого этажа нашей «свернутой башни» и пялилась в экран смартфона в поисках выхода, но выхода не было. Я пересчитывала и переделывала цепочки последовательностей, но это не приводило ровно ни к чему. Надежды растворялись и превращались в пыль на ковре, и мне оставалось только признать неизбежное – принять поражение как оно есть. Но я не была готова к этому, еще нет, и мой разум – единственная, на мой взгляд, стоящая хоть чего-то часть моего тела – снова и снова обсчитывал возможные варианты, выискивая лазейку в лабиринте без выхода.

Я не была одинока. В таком же положении (кто-то даже сказал бы – в одной лодке) оказалось сразу несколько человек. Я точно знала это, вычислила по выражениям их лиц – напряженные, отчаянные попытки хоть как-то выкрутиться, хоть что-то сделать. Ближе к окну, опершись спиной о грязную стенку, сидел наш хмурый худенький Ванечка – симпа-

тичный молодой человек в огромных очках с черной оправой. Требовалось некоторое время, чтобы понять, насколько Ванечка симпатичен, так как очки заявляли обратное – сознательно сгенерированный эффект. Ванечка был специалистом по «тарелочкам», так мы называли информационную безопасность, к которой в нашем «*нефте-газо-садо-мазо-холдинге*» относились очень серьезно, хотя никто, кроме нас и Ванечки, не понимал, что это такое. Ванечка хмурился и шевелил губами, бросая быстрые тревожные взгляды на окружающих.

У Яны – операционистки из отдела техподдержки – дела шли не лучше, она сидела, скрестив ноги, как заправский йог, сбросила кеды и от напряжения даже сняла с ушей огромные наушники, в которых ходила всегда. Настолько всегда, что многие считали, что это у нее «просто такие большие уши». Яна и я – мы были единственными девочками на двадцать шестом этаже нашего Муравейника, если не считать уборщицу и случайных посетителей. Обе мы были скорее плевком в лицо «женственности», нежели ее триумфом. Обо мне и говорить не приходится, а Яна... в своих необъятных фуфайках с капюшонами, скрывающих любые вторичные половые признаки, со странной прической и – о да, тоже очками в толстенной оправе – Яна напоминала мальчика, который напоминает девочку. Такой вот парадокс импликации! Яне еще не исполнилось и двадцати пяти, у нее все было

впереди – и муки, и сомнения, и разочарования. Я глубоко сожалела, что ей тоже не повезло сидеть с нами на ковролине двадцать шестого этажа, но что я могла поделаться?! Постников решил бить наповал, и весь наш отдел теперь подпадал под риск увольнения. Яна не имела к происходящему никакого отношения, в конце концов, это я постоянно хамила Вите Постникову, ведущему аналитику из финансового подразделения, это я «достала» его и будила в нем неудержимое желание «до основания все разрушить, а затем»... Но кому от этого легче? Если лавина несется с горы, она не разбирает, хорошие люди у нее на пути или плохие. Она сметает всех подряд.

– Ну и сколько можно тянуть кота за хвост? – спросил Саша Гусев, глядя почему-то на Рудика, нашего шамана-сисадмина, высокого, стройного бородача с бакенбардами и иссиня-черными растрепанными волосами. Шаманом Рудика звали за то, что он умудрялся выискивать ошибки в протоколах, чего не мог никто из всех остальных, и делал он это необычно, по-своему, с приговорками и ритуалами, понятными лишь ему одному. Рудик вздохнул и бессильно посмотрел вдаль – сквозь наш длинный коридор на лифты, которые проезжали сегодня мимо нашего, двадцать шестого, без остановки.

– Между прочим, я был против, чтобы ты, Саша, ставил этот «читерский мод». Это все равно что заранее заложить

в программу баг, чтобы потом все обрушилось. Кто так делает?

– Ну, допустим, я, – задумчиво пробормотала я.

– И зачем?

– Ну как же, Рудик, ведь от правильно заложенного в программу бага может быть море пользы, – усмехнулся Жора, коллега Яны из техподдержки. Его работа состояла преимущественно в том, чтобы просить паникующих пользователей выключить, а затем снова включить оборудование. В восьмидесяти процентах случаев этого было достаточно, и можно было идти пить чай с пирожками с вареной сгущенкой. Остальными двадцатью процентами занимались либо Яна, либо ее знаний не хватало, и тогда шаманил Рудик. В редких случаях звали меня. Так или иначе, у Жоры оставалось достаточно времени на пироги с вареной сгущенкой, что неминуемо сказывалось на его теле. Жора был женат, и на фигуру ему было плевать. Забавно, что Жора, самый потрепанный и неухоженный из всех нас, был единственным женатым человеком. Куда только смотрит его жена?

– Море пользы, – кивнула я. – Особенно если баг активируется не сам по себе, а в нужное время, при нужных обстоятельствах. И если ты можешь этим багом управлять, скажем, дистанционно и анонимно.

– Это, моя дорогая Ромашка, называется уже совсем по-другому, – усмехнулся Саша Гусев, мой коллега и товарищ по несчастью. – Это, Ромашка, форменное хакерство.

– А где проходит тоненькая грань между читерством и хакерством? – спросила я с философским видом. – Если ты можешь выложить карту, которая вышла из игры, а результатом станет незаконный и немотивированный выигрыш, что это будет – хакерство или читерство?

– Вопрос в том, включает ли выигрыш деньги или нет, я так считаю, – бросил Жора.

– Такая интерпретация – в корне ложная, – вмешалась я. – Читеры не являются хакерами по определению, ибо не пишут коды и в большинстве случаев даже не владеют ни одним языком программирования. Читеры – это как всякие жуликоватые консюмеры, ворующие в супермаркетах шоколадные батончики. Они не производят батончики, не продумывают «левых» схем их реализации – они просто их жрут. Хакеры же владеют технологией производства.

– Хакеры добиваются материализации батончиков на полках магазинов, каковая происходит сама собой, вопреки правилам и законам вселенной, – добавил Саша Гусев. – Ромашка, ходи. Твой ход.

– Не хочу! – рассмеялась я. – Что ты сделаешь со мной, если я не стану ходить? Будет ли это проигрышем, если я выйду из игры по техническим причинам – к примеру, в туалет?

– Э, так не пойдет! – возмутился Саша Гусев, в руках у которого уже была победа. Я знала как, я даже помнила тот момент, когда Саша выложил нам всем липового пикового валета, но от этого мне не было легче. Горечь поражения,

знаете ли. И потом – лично для меня ставки были весьма высоки. Сашке удалось добиться от меня обещания, что если за этот день он и другие отыграют у меня все оставшиеся деньги – виртуальные, конечно же, – то я соглашусь и пойду с ним на бадминтонный турнир. И не в качестве зрителя, чего я еще как-то могла пережить. Нет-нет, он хотел приобщить меня к «настоящему бадминтону», и условие было – все или ничего. Я была на миллиметр от того, чтобы стать настоящей спортсменкой-любительницей, и душа моя рыдала.

– Ну как же так! – воскликнула я, когда еще сто виртуальных рублей слетели с моего и без того оскудевшего виртуального счета. Я не могла понять, почему и как Саше Гусеву удастся одерживать надо мной верх – раз за разом. Я всегда держала его за честного человека, но определенно я ошибалась.

Моя сестра совершенно уверена в том, что я не умею «читать» людей и в них не разбираюсь. Впрочем, моя сестра тоже вряд ли заслуживает звания «эксперта года по пониманию человеческих душ». Как ни крути, а она не считается – беременная, причем во второй раз от одного и того же безработного, гулящего и малополезного мужчины, с которым они только-только собираются – неизвестно зачем – пожениться. Не то чтобы я осуждала ее или, не дай бог, не считала это любовью. Если безусловная преданность мужчине, в котором нет ничего, кроме пустых обещаний и безумных

идей, не любовь, тогда я не знаю, что такое любовь. Этого не пишут на фантиках к жвачкам, но «любовь – это когда ты раз за разом принимаешь мужчину из командировки, в которую его никто не посылал».

– Что тут происходит! Это что за лежащая забастовка в разгар рабочего дня? – Вопрос был по сути критическим, но тон, каким он был задан, был скорее восхищенным, чем злым или возмущенным. Я вздохнула, перегрузила программку на своем смартфоне и посмотрела на фигуру, стоящую в темноте коридора. Кого еще черт принес к нам в цифровую крепость, в настоящее время взятую на абордаж?

– Лежащая? Почему это? – возмутился Жора. – Мы все сидим, между прочим.

– Вы все сидите на полу. А ты, Жорочка, больше лежишь, чем сидишь – как на диване. Нам бы так работать! – возмутилась Маша Горобец, раскручивая в руке тонкую палочку-выручалочку, электронную сигаретку, с помощью которой она пыталась бросить курить. – Фаина, у нас там программа глючит. Твоя работа?

– Во-первых, твой вопрос задан максимально некорректно, – неторопливо начала я, и не подумав подняться с пола. Машка была моей старой подругой – не в смысле возраста, хотя и в этом смысле тоже, ей было уже за тридцать, так что... – с нескольких точек зрения. Ты хочешь знать, является ли обязанность решать проблемы с неработающим оборудованием и программным обеспечением моей работой? И

да и нет. Это относится к моей сфере, но это скорее работа Жоры или Яны, не моя. Однако, учитывая тот факт, что все мы – весь наш IT-отдел – отстранены от работы уже три дня подряд, то все проблемы с программным обеспечением и оборудованием никак не являются нашей работой.

– Что? – вытаращилась на меня Маша. – А чьей?

– Продолжая отвечать на предыдущий вопрос, – бубнила я с интонацией сидящей на грибе гусеницы Льюиса Кэрролла, – хочу уточнить, что если ты имела в виду, что обрушившаяся работа вашей программы является результатом «хакерской атаки», к которой какое-то отношение имею я, то ты тоже ошиблась. Это не «моя работа», я не имею доступа к системе вот уже третий день.

– Можно подумать, тебя это когда-нибудь останавливало! – фыркнула Машка. – Третий день? Ничего себе. И как вы?

– Роскошно! – хором отозвались все.

– Чудовищно, – ответила я, как всегда невпопад.

– И что же чудовищно, Фая? – усмехнулся Сашка Гусев.

– Чудовищно, что вы ничего не делаете, – возмущенно всплеснула руками Маша Горобец. – У нас что, теперь не будет IT-отдела? Вы что же, не понимаете, что такой холдинг, как наш, просто не может работать без нормального IT-отдела?

– А ты все эти вопросы лучше нашему любезному другу Постникову задай, – пожала плечами я. – Он нас отстранил,

он нам доступы закрыл, а нам – что? Солдат спит, служба идет.

– Лишь бы никто не сказал, что мы прогуливаем, – кинул Ванечка и поправил очки на носу. – Ну что, играем, братцы? И сестрицы!

– Вы третий день играете. Во что хоть?

– Да все в дурака, – сообщила ей Яночка.

– Ну конечно! Врете? – не поверила Машка. Мы удивленно переглянулись и замотали головами. Мы и правда третий день играли в «дурака» – в его электронную версию, разумеется, ибо ну не можем мы, программисты-технари, делать все по-простому, как все нормальные люди. Нет, мы играли в запрограммированного «дурака», да еще такого, в котором можно было «читерить» – то есть жульничать. Чем Гусев-подлец и пользовался без зазрения совести.

– Издеваетесь, да? В честь первого апреля, да? Если бы я вас не знала, я бы подумала, что это такой дурацкий розыгрыш на первое апреля.

– Сегодня первое апреля? – удивленно спросила Яна. Маша снова всплеснула руками и покачала головой.

– А вы не знаете?

– Мы-то? Конечно... нет, – вздохнул Саша. – Никого мы не разыгрываем и ничего не знаем, живем скучно, аж челюсти сводит, сколько зевать приходится. В принципе, это и есть работа моей мечты.

– Счастливые часов не наблюдают, зато я знаю, что сего-

дня пятница. Хвала небесам! – Жора достал из сумки замызганный пакетик с остатками печенья и отправил одно в рот. – Кстати, который час? Не пора ли домой? Меня дома жена ждет.

– Домой? Ты с ума сошел, еще только четыре! – завозмущался Гусев. – Вот ставлю на то, что Постников нагрянет с проверочкой как раз без пяти минут шесть.

– Ставишь? А сколько? – тут же подсуетилась я. – Давай поспорим – на тысячу баллов?

– Ага! – заржал Гусев. – Хватаешься за цифровую соломинку? Сколько мне осталось у тебя отыграть? Сколько там у тебя осталось?

– Не твое дело.

– Покажи!

– Не покажу. – Я отвернулась. У меня осталось всего тридцать баллов – меньше, чем нужно на три игры. Мы играли по полтиннику за раз. Когда я соглашалась на это безумие, у меня была вся тысяча, к тому же мы играли большой толпой, и я производила прогноз, опираясь на те исходные данные, что не могу же проигрывать каждый раз. Когда игровых больше пяти – а нас было шестеро, – кто-то нет-нет, да и проиграет. Однако за три дня я «слила» почти все – оказалось, что я особенная и умею проигрывать постоянно. Как не замедлила бы сказать моя сестричка, я слишком стараюсь все продумать. И вот результат – теперь с ужасом думала о предстоящем турнире по бадминтону.

– Так к кому мне по поводу программы-то обращаться? Я уже по всем номерам звонила. Меня даже Постников послал подальше! – простонала Машка Горобец. – Где ваш Крендель-то? Может, хоть он поможет?

– Крендель исчез! – пробормотал Сашка Гусев с таинственной интонацией. – Пропал. Сами с фонарями ищем.

– Крендель тебе не поможет, – кивнула я, понимая, что никакие такие бухгалтерские программы не волнуют Машу Горобец так, как волнует отсутствие ее рыцаря, мужчины ее мечты, ее гипотетического будущего мужа Георгия Михайловича Кренделева, пропавшего без вести вот уже третьего дня.

– Злые вы, – огорчилась Машка. – Ну давайте и я, что ли, с вами сыграю.

– Нельзя. Максимальное количество – шесть игроков, – отказал ей Саша, впрочем, самым сочувствующим тоном.

– Это не так, – вмешалась я. – Мы можем перейти на модуль, где используются пятьдесят четыре карты. Тогда хоть до восьми игроков.

– Я знаю, зачем тебе этот модуль. Ты что, надеешься, там тебе добавят баллов по умолчанию? Я не понимаю, Ромашка, ну чего ты так упираешься? Турнир – это не пир людоедов, никто тебя там не сожрет! Поехали!

– Ни за что! – возмущенно воскликнула я. – Еще чего. В моем возрасте, с моими проблемами – и прыгать с ракеткой, да еще при всем честном народе? Нет уж. Давай, переходим

в модуль.

– Я все равно тебя обыграю! Давай запускай какой хочешь модуль. Машка, подсоединилась? Раздавай. Ребята, важная производственная информация. Имейте в виду, теперь будет джокер!

– Ага, и еще больший простор для жульничества, – пробубнила я, загружая модуль.

– Ничего себе – работнички! – услышала я у себя за спиной. Вот странно, вроде работаем – если это можно так назвать – на двадцать шестом этаже, а все сегодня приходят по лестнице. Ну не парадокс? Неужели не лень переться? Я повернула голову и посмотрела подслеповатыми глазами в глубь коридора – там стоял высокий статный мужчина в дорогом костюме и весьма симпатичном галстуке в косую линию. Красивый мужчина, чем-то смутно напоминавший агента Малдера в его лучшие годы – в сезоне втором, третьем. Мужчина со столь же небрежной повадкой и загадочной полуулыбкой, хранящей бог весть какие «секретные материалы».

Мужчину с зелеными глазами оттенка молодой лесной елки звали Игорь Вячеславович Апрель. Такая вот редкая и забавная фамилия. Кто-то из его предков, по его утверждению, когда-то пару веков назад вступил (предположительно, само собой) в потусторонний контакт то ли с ангелом, то ли с пророком – точно я не запомнила, но за это был наделен

способностью исцелять тела и души. Случился этот контакт с потусторонним в апреле, и с тех пор в его роду все носили фамилию Апрель. И все обладали целительскими способностями, становились врачами или священниками. Игорь Вячеславович священником не был (мне ли не знать), так что оставалась лишь медицина. Но врачевать он пытался не тело, а душу – своими методами. Игорь был профессиональным психологом, и в этом статусе он состоял в штате нашего нефте-газо-садо-мазо-холдинга. Игорь принимал в кабинете с ошеломляющим видом на ночной город, у него было много цветов в горшках и еще аквариум с рыбками. Я была особенно близка с одной из них – наглой рыбиной, напоминавшей картошку. Его кабинет – самое уютное место во всех пяти зданиях нашего холдинга. Предвосхищая вопросы, что же я делала в кабинете психотерапевта, да еще такого красивого, отвечаю – да, я бывала у него на приеме, хотя терпеть не могу психологов в частности и психиатрию в целом. Я была у него, лежала на его кушетке, пытаясь скрыть от него свой трепетный внутренний мир. Но все кончилось непредсказуемо для моего трепетного мира. Я провела с ним ночь, черт! И уже не одну неделю ломала голову, что же между нами было, но что-то было, никаких сомнений. И чувство это было – одни сплошные проблемы. Столько незапланированных переживаний, столько необходимости иметь дело с самой собой. Такое поле для переживаний, такие просторы для самокопания и неуверенности в себе!

– Значит, вот вы как реагируете на проблемы, господа? – спросил Игорь, насмешливо оглядывая наш сидячий riot¹. – Предпочитаете сидеть и ничего не делать, пока сети против вас плетутся?

– Вам доподлинно известно о плетении сетей? Мы тут сидим отрезанные от всего мира и ничего не знаем. Поделитесь, если не жалко, а то у меня осталась единственная цель на сегодняшний вечер – обыграть Ромашку.

– Да-да, – влезла вездесущая Маша Горобец. – И где Крендель, тоже расскажите, умоляю! Он нам очень нужен.

– Нам? – хмыкнула я.

– Крендель? – хмыкнул Игорь, с подозрением разглядывая Сашу Гусева. – Я понятия не имею, где ваш начальник. Впрочем, о сетях я тоже так сказал – в контексте вашей сетевой принадлежности. Не понимаю, неужели вам самим неинтересно защититься от всех этих обвинений?

– Во-первых, мы не знаем, в чем нас обвиняют, – гордо ответил Сашка. – Не знаем – и знать не хотим. Мы ни в чем не виноваты. Программисты не могут быть ни в чем виноваты, это пользователи всегда виноваты. Чего бы там Постников ни придумал.

– А во-вторых? – рассмеялся Игорь, подтащив к себе стул. Само собой, такие, как он, не усядутся на ковролин в позе лотоса. А мы не гордые, и потом, за три дня мы устали сидеть на стульях. Если нам удастся пережить этот «кризис жанра»,

¹ Бунт (англ.) – Здесь и далее прим. автора.

мы непременно обзаведемся диваном. Давно собирались, да все как-то не находили нужных слов, чтобы убедить Кренделя. Теперь найдем – когда найдем самого Кренделя.

– Во-вторых, когда от холдинга отключают всех IT-специалистов, рано или поздно все полетит к чертям. И в тартарары. И развалится на куски. Вот – у Маши Горобец уже что-то подвисло. А нас нет. Посмотрим-посмотрим, кто будет следующим. И как быстро к нам за помощью прибегут. А мы – ничего не сможем сделать. Ну вот ни-че-го, – развел руками Саша и улыбнулся.

– Нельзя просто так взять и отключить весь IT-отдел от предприятия, – кивнула я, разговаривая словами любимого мэма – Старка из «Игры Престолов». Игорь перевел взгляд с меня на Сашу Гусева, с него на Ванечку, с Ванечки на Яну, миновал Жору и остановился на Рудике-шамане.

– Значит, играть в карты – это ваш способ справиться с ситуацией? – рассмеялся Игорь. – Я прямо восхищен. Интересно, интересно.

– Играть в карты – это его способ заставить меня пойти с ним на бадминтонный турнир! – Я возмущенно ткнула пальцем в Сашу Гусева и немедленно пожалела об этом. Внимательный взгляд еловых глаз сфокусировался на мне.

– А ты не хочешь ехать на этот турнир?

– Нет! – клятвенно заверила его я. – Совершенно не хочу. Это будет позор. Это будет катастрофа, и я не знаю, почему сам господин Гусев этого не понимает.

– Господин Гусев спит и видит посмотреть на это шоу – ты, Ромашка, на турнире. Это же эпохально. Так что хочешь ты или нет, а у тебя осталась всего одна или две партии, отделяющие тебя от турнира, – улыбнулся Саша Гусев. Игорь нахмурился, еловый взгляд потемнел. Я знала, что сама идея того, что я поеду куда-то с Сашей Гусевым, буду проводить с ним время, – такая идея никак не могла понравиться Игорю. Не должна была понравиться. Если, конечно, я ему хоть немного небезразлична. Значу больше, чем его аквариумная рыба-картошка. Так, в своей неуверенности в себе мне не было равных. Сейчас бы моя сестрица, тоже, между прочим, психолог, многое бы дала, чтобы проанализировать меня до самых печенок. Она обожает свое ремесло настолько, что становится страшно. Есть одна старая шутка – про лампочку и психологов. Сколько нужно психологов, чтобы ввернуть лампочку? Если фрейдистов, то два, один будет вкручивать, другой – видеть в том скрытый сексуальный подтекст. Моя сестра считает, что достаточно одного – при условии, что лампочка готова меняться. При этом обычно в роли лампочки выступаю я.

– А господин Гусев не побоится сыграть на это со мной? – спросил Игорь, и в голосе его была угроза. Я встрепенулась. Рыцарь в сияющих доспехах и в галстук в косую полоску решил вступить за меня? Ревнует? О, этот факт сам по себе – повод для позитива. В моей жизни позитива немного, я не очень-то в него верю. Мой стакан наполовину пуст, зна-

ете ли. Но при мысли, что господин Апрель ревнует меня, улыбка невольно растягивала мои обветренные губы. Когда дело касалось господина Апреля, я ни в чем не могла быть уверенной.

– Значит, у тебя, Ромашка, на поле замена? Не по-спортивному это. Но я согласен. Имейте в виду, у вас, господин психолог, против меня никаких шансов. Сдавайтесь! – притворился добрым Саша. – Сдавайтесь, и мы пригласим вас на турнир.

– Ну, это мы еще посмотрим, – пробормотал Игорь – голос ледяной, взгляд – убийственный. Действуя мягко, но настойчиво, он отобрал у меня телефон. – Раздавайте ваши карты.

– Игорь, они же математики, – зачастила я в приступе паники. – А Сашка среди них первый. Кругом одно жулье! – Я окинула взглядом всех присутствующих на ковролине гиков двадцать шестого этажа.

– И я тоже? – обиженно воскликнула ни в чем не повинная Маша Горобец.

– Не волнуйся, – покивал мне Игорь и положил свою ладонь на мою руку. Его рука была теплой и сильной. На экране моего смартфона возникли карты – шесть штук. Ни одного джокера. Я зажмурилась и переключилась мыслями на другое: сегодня пятница, и это значит, что впереди выходные, и раз уж Игорь Вячеславович не счел за труд явиться на пораженный проклятием двадцать шестой этаж, это может свидетельствовать лишь об одном. Мы проведем выходные

вместе. И это – не первоапрельская шутка!

Глава 2

Что делать человеку, который не умеет (или не хочет) говорить «Да»?

Мама редко уезжала из дома, она была нашим домашним цветочком, росла в нашем комфортабельном двухкомнатном «горшке», а я по мере сил удобряла ее вниманием и деньгами. Впрочем, мама в моих деньгах не особенно и нуждалась. Когда не стало отца, ее мир пошатнулся – а то был мир цементный, с бетонным основанием, высокими стенами до самых небес. Отец был ученым, но не из числа всю жизнь погруженных в созерцание чашек Петри.

Папа был физиком, обожал свое дело, умудрился зарегистрировать пару патентов на хитрые засекреченные штуки, использовавшиеся в основном в военной сфере – результатом его научных достижений стала сначала наша просторная двухкомнатная квартира на Ленинском, а затем за несколько последующих лет появилась и Лизаветина новостройка. При этом папа всегда вел себя так, словно не знал о существовании такой вещи, как деньги, на этой земле. Купюры для него были всего лишь спрессованными молекулами, под-

чиняющимися фундаментальным законам гравитации, электромагнетизма, сильного и слабого взаимодействия. Отца всегда отличал этот своеобразный, фундаментальный взгляд на мир. На вопрос, отчего так холодно в ноябре, он отвечал, что это мы еще «абсолютного нуля» не нюхали. И смеялся. Его любовь к науке перешла по наследству мне – видимо, по старшинству, ибо ничего в Лизаветином характере не было от отца. Иногда мне кажется, что было бы очень неплохо, если бы можно было обменять немного моих цинизма и прагматизма на Лизаветины оптимизм и некритический взгляд на мир.

После папиной смерти, ставшей для нас неожиданной и несвоевременной, несмотря на все что говорили врачи, мама получила за папу персональную пенсию. Но это ровно ничего не решало, ибо ее жизнь была как планета, вращавшаяся вокруг солнца, которого вдруг не стало. После папиной смерти мама так усиленно натягивала на себя костюм скорбящей старушки вдовы, что почти убедила нас всех, что ей лет сто, не меньше. Когда родился Вовка, мама и вовсе вжилась в роль бабушки настолько, что начала вязать и носить дома шали и бездонные теплые тапки. А ведь ей только должно было исполниться пятьдесят. Она была приятная женщина средних лет, со светлыми, чуть подернутыми седой волосами, с яркими голубыми глазами, полными интереса – внимательный, цепкий взгляд, моментально выхватыва-

вающий любые детали из любого контекста. Когда мама была совсем молодой, она была похожа на Ирину Алферову из «Трех мушкетеров», а сейчас скорее напоминала Ингеборгу Дапкунайте из рекламы кофе – только без характерного акцента.

Мы постоянно пытались «сбить программу», Лизавета даже внедряла разные психологические тактики, чтобы выманить маму обратно к живым и здравствующим, но на все наши попытки мама только заказывала очередной папин портрет в рамочке и вешала на новую стену. Она предпочитала жить воспоминаниями, справедливо полагая, что второго такого человека, как наш отец, встретить невозможно. Однако узнав, что совсем скоро, не далее как месяцев через пять, ей предстоит второй раз стать бабушкой, мама вдруг пошла в парикмахерскую и покрасила седину. Потом, неожиданно для всех, включая ее подруг, особенно для тети Зинаиды из нашей поликлиники, мама согласилась пойти с ними на йогу. Йога, правда, была не простая, а для тех, «кому за...», и это стало решающим фактором. Молодиться и ходить на «всякие там фитнесы» – это в маминых глазах было чем-то вроде предательства папиной памяти, уж бог его ведает почему. А вот йога для тех, «кому за...», вполне укладывалась в рамки заботы о здоровье. Попутно мама могла вволю наболтаться с подружками о жизни, выпить чайку – оздоровительного. Мы были рады. Очень, очень рады. Мама уехала в свой

«клуб по интересам» с самого субботнего утра. Я знала, что после йоги они всей щебечущей стайкой собирались перелететь в центр, на какую-то выставку, затем – кафе, обед, отдых. У мамы в программе была целая социальная жизнь, и я радовалась. И у меня она намечалась. Свидание.

Да я сто лет не ходила на свидания. И не умею на них ходить. Однако же стою перед зеркалом и пытаюсь понять, что же Игорь во мне нашел. Какая-то нелепость, честное слово! То, что я не нравлюсь себе, моя сестра считает симптомом. У нее вообще, куда ни ткни, в симптом попадешь. А я не понимаю, как может нравиться то, на что я вынуждена смотреть каждый день, в какое зеркало ни загляни. Вот бы можно было менять внешность, как мы меняем «обои» рабочего экрана компьютера и заставки. Надоели рыбы в цифровом аквариуме – пожалуйста, пара переключений, и вот по экрану течет вода, журчат ручьи высокогорья. А завтра, может быть, побежит бурый мишка по сибирским лесам, улепетывающая от преследователей... А еще через день...

Звонок оторвал меня от бессмысленного разглядывания своей сонной рожицы в зеркале.

– Ты все еще восхищена моим подвигом? – спросил меня мой персональный спаситель Малдер вместо приветствия. – Я звоню, дабы убедиться, что ты все еще пребываешь в вос-

торге.

– Пребываю... – с неохотой призналась я. – Я просто не представляю, что бы делала на этом дурацком турнире.

– А я думал, тебе нравится бадминтон.

– Мне нравится играть, мне не нравится участвовать в тараканьих бегах. Меня нервирует мысль, что мне придется занимать какое-то там место. Это ведь достаточно бессмысленно само по себе – четыре человека гоняются за одним вола-ном, пытаюсь заехать по нему ракеткой. Согласен? А когда на тебя при этом еще и смотрят...

– Ты не любишь внимание, верно? Что ж, я рад, что смог помочь.

– Да уж, спасибо, – пробормотала я без ярко выраженной благодарности в голосе, – хотя ты должен понимать, что твоя победа ставит под вопрос мои умственные способности.

– Нет, моя дорогая русалка, – рассмеялся Игорь, – соревноваться с тобой в силе разума я бы не стал. Но блефовать ты не умеешь, это факт. В игре, где все решает наглость, напор и тонкий психологический расчет, ты всегда проиграешь.

– Зато теперь я знаю чуть больше, чем знала до вчерашнего дня, мой дорогой Нептун, – ответила я, подхватив его нравоучительную интонацию. – Теперь я буду в курсе, что любое сказанное тобой слово может быть ложью и может быть использовано против меня. Теперь я точно знаю, что ты врешь, как бог!

– Как Нептун, – поправил меня Игорь, ничуть не смутив-

шись. – Значит, мы оба согласны с тем, что я неотразим?

– Ага. Как вертикально поляризованная электромагнитная волна, – хмыкнула я, вспомнив старую студенческую шутку. Игорь Вячеславович ожидаемо замолчал. Задумался.

– Требуется пояснение, – признался он наконец.

– Ну, она тоже неотразима... в определенном спектре, – пожала плечами я, раздирая свои пепельные волосы расческой.

– Кто?

– Волна. Вертикально поляризованная электромагнитная волна, проходящая под углом Брюстера... не важно. Ключевая информация – ты неотразим. – Я беззвучно выматерилась. Ведь клялась не пугать человека, а? А сама несу всякую чушь.

Игорь снова расхохотался и спросил, в силе ли все, о чем мы договорились. Свидание? И я – в платье, как договаривались. Не на каблуках – это я все же отстояла. Игорь сказал, что это свидание, пожалуй, единственный его шанс увидеть меня в чем-то, кроме драных джинсов, а я пригрозила, что единственное доступное мне платье может оказаться маминим. Это показалось Апрелю даже еще более заманчивым.

Я подтвердила, что приду в этом чертовом платье, хоть и с неохотой, пробормотав себе под нос, что при таком раскладе я могла бы и в турнире поучаствовать. Платье! Уму

непостижимо. Какой смысл в официальном свидании двух людей, которые уже видели друг друга вообще без одежды, то бишь нагишом? Не проще ли было мне приехать к нему домой, в его безликую арендованную квартиру, отличительным символом которой стало сухое сувенирное древо познания добра и зла, растущее из декоративных камней? Валяться на его кровати, пить чай, спалить какие-нибудь оладушки – готовить я не умела, но разве это когда-то кому-то мешало?

Игорь считал иначе, он так и сказал мне: «Я считаю иначе». Он хотел свидания по полной программе, чтобы ждать с цветами (я так думаю, что с цветами) у памятника Ленину и Крупской, того, где они на лавочке счастливо читают газету «Искра». Чтобы гулять по мокрым улицам, потом идти куда-то обедать, потом в кинотеатр, на последний ряд. Как часто говорили герои плохих, дешевых боевиков, «я слишком стара для этого дерьма». Хотя двадцать семь лет – это не возраст, чтобы бурчать. Видимо, это у нас семейное: неустанно делать вид, что мы устали от жизни. Но вот Апрель добился своего, и я стояла перед зеркалом и драла спутанные волосы, чтобы попасть на романтическое свидание, хотя ни разу в жизни ни одно романтическое свидание не прошло так, как я рассчитывала.

Ни одно из той жалкой парочки свиданий, на которые меня угораздило попасть за всю мою жизнь.

Всю дорогу до памятника я прошла, смутно ощущая – безо всяких к тому оснований, – что забыла надеть штаны. Капроновые колготки – самая странная одежда на свете, особенно для девушки, которая за последние пять лет ни разу не вылезала из джинсов. Хотя нет, вру, в городе Сочи Юра тоже заставил меня натянуть платье – легкое, синее, идеально подходившее к морю и теплоте вечера. Странные они, мужчины. Сговорились, что ли? Платье – маленькое, не черное, а малиновое, трикотажное, торчало из-под пуховика и при каждом шаге норовило задраться. Ткани реагировали друг на друга, возникало статическое электричество, и в результате ноги чесались. Я стойко терпела, смутно надеясь, что после того как Игорь отсмеется, отхохочется, он позволит мне снова стать собой, и больше уже никогда никаких разговоров о платье не возникнет. Или увидит меня в этом диком обличье, поймет наконец, какая я неправильная женщина, и оставит меня. Это будет обидно, однако логично.

Мобильник сначала завибрировал, а затем зазвонил – в кармане рюкзака. Я испугалась, что Игорь каким-то образом уже увидел меня и звонит, чтобы сообщить – нам не быть вместе. «Развидеть» картину со мной в дурацком платье он уже не сможет, так что теперь ему придется уволиться из холдинга, уехать далеко-далеко и долго залечивать душевную рану, используя как психотерапию, так и психотропные пре-

параты, выдаваемые только по рецептам. Но звонил не он. Звонила моя сестра, и по ее голосу я сразу же поняла: что-то случилось.

– Ты не могла бы... не могла бы... – услышала я в трубке ее сдавленный голос, как будто ее кто-то душил. Кто-то – это мог быть только один человек, ее гражданский пока что муж Сережа. В Сереже было множество недостатков – столько, что по нему одному можно было легко написать энциклопедию людских пороков, но жестокости в нем я не замечала. Грубость – да, без проблем. Глупость – хоть каждый день. Жестокость – только в том, с каким упорством он возвращался в квартиру моей сестры на пятнадцатом этаже все еще относительно нового дома.

– Что случилось? – Я замерла посреди Ленинского проспекта, забыв про апрельский ветер, разгулявшийся вокруг моих ног, защищенных от него только тонким капроном – фиговым листочком для современных женщин.

– Меня везут... я еду в больницу. – Я услышала в голосе сестры слезы и страх. Беременность делает женщину беззащитной, пойманной в хрупкий капкан ее физического я. Беременность выводит на передний план эту слабость, бьет, как прожектором в лицо, и невозможно больше прикрываться мнимым самоконтролем или одной из доморощенных духовных практик.

– Ты только успокойся, успокойся, – прошептала я, напу-

ганная до полусмерти. – Что случилось? Ты можешь говорить? Тебе не вредно?

– Ты сама успокойся, Ромашка. Пожалуйста... – Лизин голос звучал глухо, связь прерывалась. – Я упала. Поскользнулась, понимаешь. Господи, я вообще дура полная.

– Не спорю, не спорю, – выдохнула я, чувствуя все тот же страх. – Куда тебя понесло? Сережа не мог сходить? Впрочем, нет, Лиза, не слушай меня. Я чушь говорю. Ты как? Ты в «Скорой»?

– Да, я в «Скорой», – подтвердила она мои худшие опасения.

– Я приеду. Прямо сейчас. Куда?

– Нет-нет, не надо. Я Вовку оставила у соседки. Забери его, ей нужно уезжать. Очень срочно. Мамы нет. Ты сможешь? Я не знаю, кому еще позвонить.

– Конечно, я его заберу, – заверила я. – Но ты скажи, ты...

– Я ничего не знаю, – оборвала меня Лиза. – Все, мне нужно уже отключиться. Мы подъезжаем. Ты заберешь его?

– Ты позвонишь еще?

– Конечно. Я сразу позвоню, как только что-то узнаю.

– А Сережа, он там? – Я хотела дать ему инструкции, хотя и без особой надежды на их выполнение. И только потом до меня дошло – если бы там был Сережа, вряд ли мне пришлось бы забирать племянника Вовку – его, между прочим, сына. Как Вовка оказался дома у совершенно чужой нам тетки, я не понимала. Была суббота, утро, и я знала, что ника-

ких особенных дел у Сережи не было. Он работал от случая к случаю, то курьером, то разнорабочим, то еще кем-то в том славном ряду профессий. Неужели он работал сегодня?

Я терпеть не могла Сережу. Это чувство было взаимным, он на дух не выносил меня. Наверное, главной нашей проблемой было то, что мы видели друг друга такими, какие мы есть. Никакие гормоны счастья не затуманивали мне голову, я не любила его, не боялась его потерять, не хотела себя обманывать – и передо мной стоял средних лет мужчина, разведенный, приятной наружности, пустой внутренности, полный любви к себе и поисков счастья – для себя же. В его защиту можно было сказать лишь, что он совершенно искренен в своем заблуждении и искренне полагает, что мир должен ему больше, чем он – миру. Я бежала к Лизиному дому и костерила Сережу. Почему-то я не думала, что он отсутствовал по уважительной, трудовой причине. И я не ошибалась.

– Ты знаешь, он, кажется, уехал. Еще позавчера, – сказала мне Лизина соседка по лестничной площадке. – Он занял деньги у моего мужа.

– Зачем же тот дал-то, а? – огорчилась я. Все долги, которые делал Сережа, рано или поздно ссыпались мне в руки, как ледяной град. Лиза зарабатывала немного, оказывая психологическую помощь населению. Те, кто нуждался в психологе и, как та лампочка, готов был меняться, не очень любил

платить, а до уровня моего Апреля и его профессиональных тренингов для корпораций Лиза не доросла. Или же не хотела – ею до сих пор владела идея помощи нуждающимся и страждущим, в основном женщинам, ищущим похудения или любви. Две обычно связанные между собой вещи.

– Он не так много занял. Сказал – очень срочно, на проезд.

– Ну понятно, – хмыкнула я и обернулась к самому юркому и вертлявому мальчику в мире. – Вовка, сидеть!

– Он поел и выпил чаю, – сообщила соседка. Вовка улыбался и выкручивался из рейтуз, в которые я пыталась его запихнуть. Хитрюга мелкий, прямо как небезызвестный Вовочка из анекдотов. – Я бы еще посидела с ним, но нужно ехать. Мы на дачу собрались. Не хотели прямо с утра ехать, пробки, все такое.

– Уже с утра пробки? А я думала, дачный сезон все же ближе к маю открывается, – пробормотала я, натягивая варежки на маленькие пальчики. Соседка молчала и почему-то краснела. Затем она промямлила, что им именно в эту субботу нужно обязательно проверить счетчики, какая-то там специфическая лажа с этими самыми счетчиками. Я кивала, встряхивая Вовку в куртку, а про себя думала – врет. Никуда она не едет, просто не захотела целый день сидеть с чужим ребенком. Да что там день, может, и дольше. Если Лизавета в больнице, а Сережа – неизвестно где, в очередной хм... «командировке», то Вовка остается неприкаемым на

неопределенный срок...

– Ну что, пошли? – Я взяла за руку Вовку, похожего на маленькую смешную капусту, подвязанную шарфом. Зеленую зимнюю курточку выбирала мама. Леший, мама-то тоже черт-те где, на своей этой йоге для тех, «кому за...». И что мне делать? У меня свидание, меня около Крупской ждут! Я в кои-то веки в платье влезла. Но выбора не было, и времени совсем не оставалось.

– А куда мы идем? – всполошился Вовка, когда я выволокла его на улицу.

– Мы? Пойдем памятник смотреть, – бросила я.

– Не люблю я памятников, – заявил мой племянник. Надо же, четырех лет еще нет, а уже мнение. Я фыркнула и подумала, что насчет памятников не знаю, а вот как мой Игорь Вячеславович относится к сюрпризам, мы сейчас выясним.

Он стоял там. В темном пальто, без шапки, держал в руках, защищенных кожаными перчатками, букет. «Уже второй букет за месяц», подумала я и быстро поправилась. Прощлый букет я получила, технически, в марте.

– А я этого дядю знаю. А чего он тут? – задумчиво пробормотал племянник, разглядывая оторопевшего, явно застигнутого врасплох Игоря. Он старался скрыть от меня легкую тучку, наплывшую на его красивое, покрасневшее на холоде лицо. Высокий лоб, спокойный взгляд, уверенная походка. Я же дергалась, как червяк на крючке. Почему я все-

гда все порчу? Романтическое свидание захотела? А чего он тут? Такой же вопрос был написан на лице моего рыцаря в твидовом пальто. Надо сказать, не так уж много мужчин на наших улицах носят пальто, все мы завернулись в пуховики, как в одинаковые скорлупки, без которых нам неуютно. Я подумала: если бы я умела носить платья так же легко и непринужденно, как мой рыцарь – пальто, я бы их никогда не снимала. Каждый раз, когда мне удавалось украдкой, исподтишка посмотреть на него, я понимала, как мы, наверное, нелепо смотримся вместе. Как Микаэль Блумквист и Элизабет Саландер², вот только я не компьютерный гений и не лесбиянка и не имею никаких тату. Может быть, зря.

– Ты решила прийти не одна? Опасаешься за свою честь и привела защитника? – Игорь наконец подобрал нужную глупую шуточку, подходящую к ситуации. Значит, любви не будет. Только если к природе. Игорь присел на корточки и пожал Вовке руку. – Ты ведь Володя, верно?

– Вовка, – поправил его мой племянш. На все это поглядывал вечно молодой бронзовый Ильич.

– А я – дядя Игорь. – Он улыбнулся и поднялся, отчего Вовке пришлось задрать голову – чтобы не потерять контакт.

– А кому цветы, дядя Иголь? – спросил Вовка, и Игорь посмотрел на меня взглядом, в котором читалось все сразу: и разочарование, и вопрос, и непонимание, и что-то еще, что можно обозначить словами «я почему-то даже и не сомне-

² Главные герои трилогии «Миллениум» Стига Ларссона.

вался».

– Цветы эти предназначались твоей тете Фае, – ответил он и сунул мне букет так, словно это было уже не важно. Букет утратил свое значение, в нем больше не было цели. Я нарушила правила. А он говорил, я не умею блефовать. Я почувствовала грусть.

– У вас свидание? – понятно озарился Вовка и посмотрел на меня своими большими Лизкиными глазами.

– Нет, что ты! Мы просто погулять вышли, – ответил ему Игорь, и племянник мой посмотрел на него с эдакой особой смесью смирения перед глупостью взрослых и понимания сути вещей. Я мысленно заплодировала. Так мы и пошли по улице – втроем, как самая что ни на есть нормальная, образцово-показательная семья, вышедшая на прогулку. Этой идиллической картинке мешал только опущенный вниз букет, который я волокла без малейшего энтузиазма.

– Такая, значит, месь? – спросил Игорь, улучив момент, когда Вовка отбежал на безопасное расстояние. – Решила достать кота из коробки?

– Кота? – удивилась я. – Ты считаешь, я сделала это нарочно? Чтобы кот Шрёдингера все-таки умер? И зачем мне это? Из-за того, что ты заставил меня надеть платье? Что подарил мне букет? Кстати, красивый. – Я приподняла цветы и зло ткнула ими в воздух.

– А ты вся красивая, – так же зло ответил Апрель. – Может, поделишься, отчего на романтическое свидание со мной

ты пришла с сыном своей сестры? Я знаю, ты любишь жить ее жизнью, так тебе легче не жить своей, я понимаю.

– Если ты сейчас употребишь слово «сублимация», я отхлещу тебя этим букетом, – предупредила я.

– Я как знал – попросил у всех роз оторвать шипы, – невозмутимо ответил он. – Так что случилось? Почему мы не едем в ресторан? Как я должен с тобой целоваться? Где твоя сестра? Почему мы не пойдем вечером в кино?

– Ах, значит, кино все-таки входило в программу. Нет уж, последние ряды – это уже не для меня. Да и я больше люблю театр.

– Серьезно? Какая досада. А я-то думал, после кино мы поедем ко мне... на всю ночь. – Игорь склонился ко мне и прошептал это мне на ухо, чтобы и так насквозь пропитанный подозрениями Вовка не услышал. – А ты в очередной раз не смогла сказать своей сестре «нет» и поставила на всем этом крест. Неужели это никогда не кончится? – Он явно злился по-настоящему.

– Сегодня это точно не кончится, – ответила я грустно.

– Но почему?

– Потому что мама упорхнула на йогу. И не вернется до самого вечера. А Сережа – в командировке. Это его агрегатное состояние – отсутствие, его никогда нет рядом. Между прочим, потому я и не вижу ни единой причины, чтобы они с моей сестрой реально женились. Впрочем, этим планам – этой свадьбе и всему прочему, скорее всего, не сужде-

но сбыться в любом случае.

– Это еще почему? – нахмурился Игорь. Я вздохнула.

– Потому что даже если Сережа и вспомнит про свадьбу и вернется, и не сбежит с нее, как невеста из этого дурацкого фильма с Джулией Робертс... как там его название....

– Сбежавшая невеста? – подсказал Игорь, по-прежнему не улыбаясь.

– Да, точно. Так вот, даже если Сережа – целый и невредимый, с паспортом и честными намерениями доберется до алтаря, не факт, что моя сестра до конца апреля выйдет из больницы, куда ее сегодня, вот прямо только что увезли на «Скорой». Вот так! – Я закончила «речь» и с непередаваемым наслаждением просмотрела живое кино под названием «я не знал, прости, мне так стыдно, господи, что ж ты сразу не сказала, вот черт, что случилось...». Кажется, немножко романтики все-таки мне досталось на бедность. Вовка тянул меня за рукав и требовал еды.

Глава 3

Никогда не поздно понять, что «мне уже многое поздно»

Вещи не могут стать нормальнее, чем они есть. Все может только ухудшиться, усугубиться и осложниться до степени невозможности и абсурда, но моя сестренка, вооружившись сборником расхожих истин, до иступления борется за то, чтобы доказать обратное. Иногда я представляю свою сестру Лизавету как набитую позитивом, что той соломой, «страшила», который продолжает плестись по дороге, вымощенной желтым камнем, в надежде, что где-то в конце пути ему все же отвесят немного ума. А я бегу сзади и подбираю все, что просыпается из ее чемодана. «Люди могут меняться». «Мы сами решаем, какой жизнью нам жить». «Главное – принять на себя ответственность за проблему, и она уйдет».

Ага, как же. Особенно такая проблема, как ее муж Сережа.

Я сидела на краешке больничной постели, Лиза лежала и вздыхала так, словно ужасно устала лежать. Она была бледна, но в апреле в Москве не было никого со здоровым цветом лица. Мой букет стоял на подоконнике, в литровой больнич-

ной банке с водой. Я подарила цветы Лизе, чем, конечно, заслужила категорическую ярость Игоря. Я предложила заплатить ему за букет, чтобы он потом купил мне другой, и это его рассмешило. Мне кажется, только это меня и спасает порой – что я могу брякнуть нечто уж совсем невообразимое. Тогда всем становится ясно – на идиотов не обижаются.

– И куда он делся? – спросила я, рассматривая на тумбочке таблетки в пластиковой рюмке-контейнере. – Что случилось? И когда?

– Утром, дома. Я...

– Подожди, как – утром? Ты позвонила к обеду!

– Ну да! Я не хотела никого беспокоить. Просто когда я упала, сначала даже не подумала, что может быть что-то не так. Ну подумаешь, упала. А потом у меня заболел живот. Очень сильно заболел. Я испугалась и вызывала «Скорую».

– Это правильно. Это ты просто молодец, – кивнула я. – Но как же вышло, что ты упала, почему? А он куда делся, герой нашего времени, а? Куда уехал-то?

– Какая разница? Уехал! По делам, – воскликнула сестра, поглядывая на стоящего в коридоре Игоря. Сквозь больничное стекло его было хорошо видно, палаты в больнице, куда привезли Лизу, были разделены стенами, но оставляли визуальный доступ со стороны коридора. В палате моей сестры стояло две койки, вторая сейчас была пустой.

– Никакой разницы, – согласилась я. – Сережа всегда ис-

чезает, ты права. Какая разница – куда и почему. Мы и так потратили достаточно много времени на выяснение то одного, то другого, а от того, обладаем мы этим знанием или нет, ничто не меняется. Сережа наш – как беспилотник со сбившимся управлением, нет никакого способа вернуть контроль.

– Фаина, прекрати, пожалуйста. Ты ведь прекрасно понимаешь, что я не это имела в виду, – воскликнула сестра, бросая обеспокоенные взгляды на Игоря. Он стоял – высокий, с хорошей осанкой, как породистый жеребец, которого случайно завели не в те конюшни – и держал в руках свое дорогое пальто. Классика. Все, что любил Апрель, было традиционным, пристойным, достойным, респектабельным. Это беспокоило Лизу, и я понимала почему. Было достаточно бросить один взгляд на меня. Но сейчас был неподходящий момент. Не время и не место для персональной терапии. – У вас с Игорем что, все серьезно?

– Когда это у меня «что» было серьезно? – усмехнулась я, и сестра нахмурилась.

– Значит, он тоже психолог? – В ее голосе прозвучала нотка ревности. Или мне показалось? Игорь Вячеславович Апрель, в отличие от моей сестры, имел высшее медицинское образование, был прагматичен и способен к диалогу – что существенно поспособствовало нашему сближению. Он не набрасывался на людей в слепом желании осчастливить их и не заверял всех и каждого, что счастливы только те, над кем

успели поработать психологи. Апрель был вдумчив и склонен к размышлениям. Он вывел для меня постулат, что то, что помогает человеку пережить плохой день, уже имеет право на существование.

С этим я не могла не согласиться.

– Сейчас если в самолете крикнуть, есть ли там врач – может не найтись никого, а если крикнуть – психолога, срочно, то полсамолета набежит «вашего брата».

– А ему ты тоже такое говоришь? – обиделась Лизавета. Я пожала плечами.

– Все я говорю, если спрашивают. Вот только кто меня слушает! Ты меня никогда не слушаешь. Сколько вы с Сережей вместе? Пять лет? Господи, это же чудовищно – вы вместе пять лет, и все эти пять лет ни ты, ни Сережа не меняетесь. Ты хоть сама с этим согласна, Лиза? Ты ведь тоже ходишь на эти свои супервизии? Так они называются? Супервизии? Где психологи психологов лечат? Испить из своего кубка, да? И что?

– Фая! – тихо, но с угрозой пробормотала Лиза, однако меня было не остановить. Видеть ее в больнице – это было выше моих сил.

– Куда он уехал и по какой надобности? Почему ты не хочешь, чтобы я ему звонила? Вы поругались? Судя по тому, с какой неохотой ты говоришь об этом, вы поругались. В

противном случае ты бы уже тут распинаясь о его делах, о неведомых тридевятых царствах, где ему предложили поработать, или о внезапных неведомых делах, встречах с неведомыми людьми и исключительной важности поездках.

– Мы поругались, да. Довольна? – спросила Лиза, отворачиваясь к окну. Я видела на ее глазах слезы, и что-то человеческое перевернулось у меня в груди, оцарапав меня изнутри. Тварь я какая-то, а не сестра. Но – какая есть. Люди не меняются. Они только надевают ту или иную маску – по погоде.

– Он вернется, не переживай. – Я сказала это утвердительно, ибо знала: рассчитывать на то, что Сережа уедет навсегда, не приходится. Так было изначально – все то время, что они с Лизой вместе. В начале своего бесконечного цикла они тешили друг друга несбыточными мечтами, и тогда Сережа становился сахарным, как петушок на палочке. Обещал золотые горы, строил планы, воздушные замки и витал в облаках. Это был период, который я называла «возникновением первичной инфекции». В этот период «оголтелого оптимизма» от них обоих – и от Лизы, и от него – можно было услышать многое об «очищении», «здоровом образе жизни», о «хозяевах собственного будущего» и о «финансовой состоятельности». Сережа в эти периоды был вполне обаятельным, добродушным, улыбчивым. Как правило, эти периоды начинались после разлуки.

Затем цикл неминуемо сползал к следующей стадии. Сережа спал, ел, хотел новый компьютер, жаловался на беспорядок в доме и много времени проводил в Интернете. Лиза запасалась терпением, которое регулярно подпитывала фразами о «принятии людей такими, какие они есть» и о «хорошей карме». Она словно пыталась убедить себя, что если она оставит Сережу в покое и не скажет ему того, что реально крутится в ее голове, то кто-то свыше наградит ее и погладит по голове. Она работала, кормила Сережу, платила по бесконечным счетам и старалась не звонить мне, чтобы не нарваться на мой критический взгляд на происходящее. Но вскоре неминуемо случалось что-то, и мой телефон оживал.

– Я его ненавижу, – слышала я. – Я его выгоню. Он вообще-то мужчина, так почему он ничего не хочет делать? Я понятия не имею, что творится в его голове. Может быть, у него есть кто-то, кроме меня. С чего он взял, что я буду это терпеть?

Лиза становилась живой, реальной в этот период, она слушала и слышала, она звала подруг домой и устраивала посиделки, ругалась с Сережей, пилила его, скандалила – он отвечал ей тем же, она гнала его на работу, а он требовал идеально чистого дома. Лиза отказывалась стирать его вещи, выкладывала ему неоплаченные счета и бросала трубки, когда он звонил. Был случай, когда в этот период Лиза даже вроде как изменила Сереже с кем-то из своих коллег. Или

клиентов ее центра «Надежда». Ах, если бы только это длилось вечно.

– Он ушел. Все кончено. Мы расстались. – Это был следующий этап их бега по кругу. Лизин голос звучал обычно тихо, словно ей трудно говорить, будто ей перерезали головные связи. Я прибегала – о, сколько раз я клялась себе не вестись на эти театрализованные представления, но каждый раз я оказывалась там – в первом ряду, в потертом старом кресле, купленном еще нашим отцом. И начинался спектакль одного актера. Лиза не выносила одиночества, не выносила мыслей об одиночестве, не выносила чувства свободы, и возможность выбирать свой путь была ей вовсе не нужна. Она говорила себе, что скучает по Сереже, говорила себе, что любит его, что это Любовь и что это слово, написанное с большой буквы, все объясняет. Его одного достаточно, чтоб оправдать то, что будет дальше. Сережа вернется. Предлоги будут разными – он позвонит, спросит, как дела, как Вовка, попросит совета, помощи, а иногда привезет денег – на сына. Скажет:

– Я понял, мы созданы друг для друга. Мне тебя не хватает. Странно, я должен бы тебя ненавидеть, но ты мне приснилась – и я весь день думал о тебе и понял, что совершенно не могу на тебя злиться.

Это не было ложью, не было продуманным актом, да и ни-

каких особенных бонусов за Лизой не числилось, за исключением разве что добротной московской квартиры на пятнадцатом этаже высотки. Да, неплохо, но разве достаточно, чтобы раз за разом возвращаться к женщине? Я с некоторой обреченностью и унынием была вынуждена прийти к единственно возможному логическому выводу – да, Сережа тоже любит Лизу. А Лиза любит Сережу. Его обманчивая внешность внушала доверие и расположение, он был похож на певца Стинга – но только внешне. Тот же мечтательный, философский взгляд, те же морщины, та же щетина. Но за его глубокомыслием ничего не стояло. Музыка Стинга наполняла тысячелетней мудростью и спокойствием перед неизбежностью вечной жизни или неотвратимостью смерти, но Сережа-то был пустым. Лизе эта пустота не была видна, ее глаза были закрыты плотной повязкой из тряпки-невидимки. Это та самая любовь, которая зла, от которой больше бед, нежели пользы. Они терпеть друг друга не могут, им друг от друга лишь вред, однако они будут вместе до скончания земных времен... Смирись, мечтательная Фаина, смирись. Некоторые люди вполне счастливо живут без мозгов. Это у тебя одно сплошное горе от ума...

Некоторое время после очередного «эпического возвращения» сахарная пара наслаждается иллюзиями и предается самообману. Затем все начинается заново.

– Скажи мне лучше, что говорят врачи? – спросила я, дабы переменить тему. Я знала, что говорят врачи, мы побеседовали с одним. Игорь задавал вопросы, само знание которых было подозрительно. Что-то об отслойке плаценты, о давлении, гипоксии, о шансах. На вопрос о шансах лечащий врач моей Лизаветы отвел взгляд в сторону и принялся рассуждать о каких-то новых препаратах, улучшающих кровообращение, которые они сейчас колют и будут колоть пациентке. Основной смысл его длинной, заумной, витиеватой речи – «посмотрим-посмотрим, не будем загадывать». Лизу оставляли в больнице «на сохранение», а я плавилась в огне самоненависти и самопрезрения, ибо не могла побороть в себе мысль, что потеря ребенка в сложившейся ситуации будет не самым худшим выходом. Конечно, я не сказала об этом вслух – но думала, думала. И Лиза, кажется, тоже понимала, что я так думаю, но не подавала виду.

– Я звонила маме, да у нее телефон отключен, наверное, еще на йоге. Надо же, наша мама – и йога. Вот ведь бывает, да? – улыбнулась Лиза. Улыбка робкая, как у опоздавшего на урок двоечника. – Ты Вовку забереешь?

– Конечно, не волнуйся, – кивнула я. Вот она, хваленая «сублимация». Мы перекраивали наши реальные мысли и желания в разговоры о том, кто и куда заберет Вовку Ромашина.

Игорь устал ждать и заглянул к нам в палату. На лице его

было написано – нет-нет, не беспокойтесь, я вас вовсе не тороплю, просто сколько можно трепаться... у меня выходной, и он между прочим не резиновый.

– Игорь, вы же меня простите, да? Я совсем не хотела нарушать ваши планы, просто я не знала, кому еще позвонить! – Лиза сказала это таким тоном, словно все же обвиняла Игоря в чем-то. В том, например, что она должна теперь учитывать его наличие в этом мире и его присутствие в моей жизни. Ее возмущение было таким очевидным, что я с трудом подавила в себе желание рассмеяться.

– Ну что вы, это ведь совершенно естественно. Было бы странно, если бы вы не позвонили, верно? – Он улыбнулся открытой, профессионально радушной улыбкой, но я видела, что глаза его холодны. Интересная бы вышла из нас семейка, если бы мы все взяли и переженились в самом деле. Сережа и Лиза, два сапога пара, но оба – левые, Сережа ненавидит и боится меня, и это при полной взаимности с моей стороны. Лиза и Игорь – профессионально ревнивые ловцы человеческого бессознательного – явно тоже наступили друг другу на мозоли, в переносном, конечно, смысле. Лиза претендует на меня, желая сделать счастливой, что крайне затруднительно, ибо меньше всего Лиза интересуется тем, что такое для меня счастье. Игорь претендует только на себя, на свою жизнь, на свидания и звонки, утренние завтраки во французском стиле. Сколько, должно быть, сил потра-

чено на то, чтобы привести свою жизнь в это кашемировое равновесие, где все в гармонии и балансе, и философия, и познание мира, и уверенность в себе и своем пути, и деньги тоже. Игорь Вячеславович Апрель был хорошим человеком, живущим исключительно для себя. И если уж он захотел меня – то тоже для своего блага, но вот парадокс – он делал меня счастливой... ну, иногда. А я... чего хочу я? К кому я буду ревновать? Кого я стану делать счастливым против его воли? От кого буду убегать? Я не знаю, смогу ли выжить в условиях любви.

Наверное, пройдут тысячелетия, а я так и буду сидеть с Вовкой на полу и рисовать фломастерами сказочных чудовищ. Мой странноватый внутренний мир – богатое поле для анализа, но Вовка прекрасно меня понимает, во всяком случае пока.

Через некоторое время мы уехали из больницы. Перед этим врач сказал нам: «Подержим ее тут недельку, посмотрим. Трудно что-то предугадать, все зависит от организма». Игорь стоял рядом, когда это было сказано, и его лицо мгновенно закрылось, захлопнулось, как окошки у избушки на курьих ножках. Недельку я буду Вовке вместо матери, неделя ненормального графика и непредсказуемых проблем. Мне стало жаль его. Самую капельку. Не Вовку, тот спал на кресле в коридоре. Мне было жаль всех тех надежд и ожиданий,

что разобьются о быт. Мой благородный идалго все надеется на нормальную жизнь – забавно, что со мной.

Игорь подошел к креслу, где тихо посапывал Вовка, наклонился, поднял его на руки и понес к выходу. Мое сердце вздрогнуло и застучало, как сумасшедшее. Может быть, я ошибаюсь насчет него? Я знаю, я плохо разбираюсь в людях. По большей части потому, что люди создавались без нормальной инструкции и четких указаний по технической эксплуатации. Иногда мне кажется, что у человечества был не один производитель, а не меньше сотни, и далеко не все они выполнили свою работу одинаково хорошо. Нас с Малдером задумывали с разными целями. Его – как выставочный образец или как искушение, с помощью которого можно сводить с ума целые народы. Меня – по недоразумению, изготовили с дополнительным процессором и масштабными базами данных, но забыли установить индикаторы добра и зла и датчики температур человеческих взаимоотношений. Когда меня спрашивают, есть ли у человека внутренний мир, я отвечаю, что да, а иначе что бы рассматривали с помощью аппаратов ультразвуковой диагностики. Как говорят художники, «я так вижу», мои глаза – рентген, но я слепа, когда речь идет о любви.

– Нам пора, – сказал Игорь негромко, чтобы не разбудить Вовку.

– Куда пора? – непонимающе спросила я, посеменив за ними. В машине Игоря, в его вишневом «Опеле» Вовка проснулся и раскапризничался. Он оказался голодным, он недоспал и устал, но со всей иррациональностью маленького человека не знал, чем заняться и куда деть накопившуюся энергию.

– Вовка, а ну, успокойся, а то дядя отдаст тебя полицейскому! – припугнула я племяша, пытаюсь остановить его возню на заднем сиденье автомобиля. Попытка не удалась.

– Плавда? Отдаст? – еще более оживился Вовка. – А когда? И где? А он будет в фойме или так? Я хочу, чтобы в фойме. К нам в садик плиходил дядька из ГИБДД. – Это название Вовка выговорил особенно старательно. – Но он был без фоймы.

– Получила, а? – усмехнулся Игорь, поглядывая на меня в зеркальце. Я сидела рядом с племянником, красная, растрепанная – в машине было жарко, на улице холодно. – И где мы теперь возьмем ему полицейского в форме?

– Вообще-то ты должен был испугаться, Вовка. Ай, алло! Ты чего вытворяешь? – заорала я не своим голосом, потому что Вовка с ловкостью вора-домушника чуть не распахнул дверь автомобиля на полном ходу. – Стой, стой! Игорь, останови. Лучше пешком. Еще не хватало, чтобы ребенок вывалился за борт.

– И как он понял, за какую ручку дергать? – пробормотал Апрель. Я усмехнулась. Лучше бы дверь заблокировал.

Дверь можно открыть и случайно.

– Вот ты – психотерапевт, а детей совсем не знаешь. А у них, знаешь, своя психология, они дергают за триста ручек в минуту и жмут на столько же кнопок. И в результате, в полном согласии с теорией вероятности, от какого-то из их действий обязательно случается небольшая беда, а от какого-то – и большая.

– Ага, – кивнул Игорь, аккуратно паркуя машину возле какого-то продуктового магазина. Мне было интересно, на сколько времени его хватит. Свидание в обществе моего племянника. Выходные на помойку. Я была готова биться об заклад, Игорь Вячеславович уже подумывал, что зря он все это затеял. Все планы – коту под хвост. Коту Шрёдингера, если уж на то пошло. – Так бывает, если не внести в теорию вероятности небольшие коррективы.

– Как можно внести коррективы в теорию? – хмыкнула я, удерживая Вовку на месте.

– А что такое теория? – тут же отреагировал Вовка.

– Сейчас тебе дядя Игорь объяснит. – Я продолжала улыбаться.

– Теория, Володя, это такая штука... это... как с большим взрывом. Говорят, когда-то он случился, но теперь теория – это то, что от него осталось, понимаешь?

– Нет, – радостно подпрыгнул Вовка. – Какой взрыв? Как салют на Новый год?

– Нет, побольше. Намного больше. Но ты не переживай,

что не понимаешь, и никто не понимает, это же теория большого взрыва. Это слишком мудрёно. – Игорь спокойно вышел из машины и пошел к багажнику. Чего ему там, в багажнике, нужно? Я смотрела на него, крутила головой, наверное, так недоверчиво и подозрительно, что он рассмеялся.

– Ты так смотрела на меня сейчас... словно думала, что я пройду мимо и уйду вдаль. Исчезну в закате, оставив вас с Вовкой одних, – хмыкнул он. Вот-вот. Чего-то в этом роде я и ожидала.

– Это было бы неожиданно, да? – Я почувствовала, как холодный воздух проникает в салон сквозь открытую дверь багажника. – И кстати, я понимаю, что такое теория большого взрыва.

– Ну не могу сказать, что я удивлен, – пробормотал Игорь и принялся что-то искать, греметь коробками. – Ты инопланетянка. Я не удивлюсь, если в итоге выяснится, что ты сама его и устроила. А теперь просто прилетела приглядывать за нашим грешным миром.

– Это правда? – аж зашелся от возбуждения временно прирученный Вовка. – Ты – инопланетянка?

– Не инопланетянка, а и-но-пла-не-тян-ка, – попыталась поправить его я. Куда там!

– Ты что, никогда не слышал, как твоя тетя заливает про черные дыры, бесконечные массы и предполагаемые события, – подколот меня Игорь, а потом сделал «большие глаза» Вовке. – Конечно, она – «инопланетянка». Так, как ты ска-

зал. Ага, вот и инструкция. Я же помню, что оставлял ее в машине. Так, у меня тоже есть теория, только не вероятности, а другая. Что должна быть какая-то защита «от дурака», чтобы дети по дороге не выпадали. Потому что, моя дорогая Фаина, теорию вероятности не вчера придумали, и инженеры, небось, тоже в курсе. О! Внешняя блокировка дверей. Сейчас посмотрим.

Игорь захлопнул багажник и подошел к нам. Он раскрыл нашу дверь, склонился и осмотрел ее, сверяясь с инструкцией. У меня всегда вызывали уважение люди, которые умеют читать инструкции. Традиционно принято считать, что женщины не умеют сложить два плюс два и перенести смысл напечатанного на бумаге в реальность, но мой опыт показывает, что инструкции – это литература избранных и читают их только отдельные личности. «Иноплатае», видимо. Игорь убрал инструкцию в карман пальто и нажал на какой-то рычажок на боковой стороне двери.

– Вуаля! Все, теперь вы от меня никуда не денетесь. Я вам и двери заблокировал, и окна. Теперь вы – мои пленники.

– Пятьдесят раз! Ты говоришь об этом так, словно Ватерлоо выиграл, – хмыкнула я. – Думаешь, мы с Вовкой не найдем способа выбраться?

– Нет. Теперь я – ваш хозяин. Ну что, Вовка? Скажешь мне, где партизаны? – Тот весело засмеялся и замотал головой. Игорь причмокнул, словно пытался пристыдить нас. –

И почему не скажешь?

– Да потому, – фыркнула я, – что он же понятия не имеет, кто такие партизаны. Ты лучше у него спроси, где смурфики.

– А кто такие смурфики? – опешил Игорь, и тут расхохоталась я.

Глава 4

Какое ты животное?³

Под словом «домой» подразумевалась квартира сестры. Вовку можно было отвезти и ко мне, но дети – странные, они не любят спать в чужих постелях, не любят перемен и неожиданностей, а любят одно и то же каждый день и сказку на ночь. В чем-то я тоже бы отнесла себя к детям, я так же точно отношусь к переменам, даже к тем, которые к лучшему. В особенности к этим последним, ибо если кто-то считает, что хуже не будет, то я всегда оптимистична и говорю – будет, будет.

Сестра отдала мне ключи, но я вспомнила об этом, только когда мой всевидящий и всезнающий Малдер уже останавливал «Опель» около моего подъезда, загороженного машинами. Мы еще более перегородили проезд – забавная оказалась вещь, это движение по придомовой территории! Стоило нам влезть в этот лабиринт, как вылезти из него оказалось совсем невозможно. За нами выстроились в очередь две легковушки и «Газель», а я успела вытащить из машины Вовку, сумку с его вещами, мою сумку, свитер, который Вовка стащил с себя в машине. Потом мы попрощались с Игорем, за-

³ Тест на «самоопределение».

мешкавшись, поцеловаться нам на прощание или нет, – ни один из нас не знал, что можно, а чего нельзя в присутствии ребенка в возрасте почти четырех лет. Решили не целоваться, что огорчило обоих. Игорь поспешил в машину, чтобы освободить проезд, и тут я вспомнила, что приехала не туда, и началась обратная погрузка.

– Всякого я от тебя ждал, но такого... – возмутился Игорь, получив в свой адрес все бибиканье нашего двора и пару грубых окриков из открытых окошек «Газели».

– Когда дело касается рассеянности, ты имеешь дело с непревзойденным великим мастером. – Я сидела и смеялась, красная от перегрева, с мокрым рукавом куртки, она пострадала, когда мне пришлось доставать из глубокой лужи Вовкины варежки, которые он умудрился туда запустить несколько раз, пока мы зависли над поцелуем. Процесс погружения ткани в грязную ледяную жижу гипнотизировал Вовку, и он повторял и повторял трюк.

Через десять минут после того, как мы покинули место у моего подъезда, мы уже заходили к сестре. Когда я говорю «мы», то имею в виду и себя, и проказника Вовку, и благородного идадьго. Одно дело – прощаться на пороге квартиры, где, вполне возможно, вернулась и пьет чай, потягиваясь растянутым и расслабленным йогой телом моя мамочка. Туда идадьго ни за что не соглашался зайти. Опустевшее гнездо Лизаветы – другое дело. Сюда Игорь после недолгого и

какого-то необудительного сопротивления зашел и здесь и остался. Поди пойми этих мужчин.

– Вообще-то я планировал затащить тебя к себе на всю ночь, – прошептал он мне на ухо, пока я искала у сестры чай. – Почему у меня никак не получается сделать с тобой то, что я планирую?

– Не по одежке протягиваешь ножки, – брякнула я, присунув со смеху. Идальго стоял обалдевший и явно пытался приладить сию народную мудрость к своему недвусмысленному намеку. – Эээ... с одной стороны, ты вроде как забавляешься тем, какая я странная и необычная личность, вся такая непредсказуемая да противоречивая, как пришибленная фея из «Покровских ворот». Но, с другой стороны, ты словно все время ждешь, когда я образумлюсь и приду в себя. И все станет нормальным. Не это ли вы, психологи, называете завышенными ожиданиями?

– То есть ты уверена, что ничего нормального не будет, пока речь идет о тебе? – взгрустнул мой благородный идальго. Но потом как-то подозрительно легко пожал плечами и кивнул. – Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

– Это ты сейчас говоришь, пока еще не слишком хорошо меня знаешь. Я ведь... ты понимаешь, я бы хотела, чтобы вещи стали нормальными, я тоже к этому стремлюсь. Просто весь мой жизненный опыт подсказывает, что чем больше благих моих намерений, тем быстрее в ад. Вовка, что ты делаешь? Куда ты полез, паршивец? Черт!

Грохот раздался из ванной комнаты, и я рванула туда. Идальго устремился за мной. Племянник лежал на дне чугунной ванны, накрытый занавеской, и рыдал.

Дело в том, что, попав домой, племянничек вдруг неожиданно пришел в состояние гиперактивности. Кто б мог подумать, ведь уже был почти совсем вечер, и за окном темно, и разве не положено детям после такого бесконечного и изнуряющего дня быть усталыми и сонливыми? Но то не про нас. Вовка носился по квартире, размахивая игрушечной саблей. В его сознании самым причудливым образом объединились слова «иноплатянка», «партизаны» и «полицейский», и теперь он одновременно был полицейским, который ловил «иноплатян», а те скрывались от него и всячески «партизанили». Процесс преследования потребовал того, чтобы карабкаться по шторе. Ожидаемо подчиняясь законам гравитации и другим, локальным физическим законам, штора оборвалась...

– Вовочка! Где болит? Ты ничего себе не сломал? Господи! – причитала я, не зная, что делать, куда бежать. В больницу? В полицию? Уходить в партизаны?

– Так. Фая, успокойся и отойди. Дай мне посмотреть. – Я обернулась и увидела моего Малдера. В тот момент сходство стало почти невыносимым, то же серьезное лицо человека, привыкшего действовать и принимать решения, суще-

ствовать в сложном мире, где дети падают в чугунные ванны каждый день. Игорь оттер меня в сторону, его рука была крепкой и теплой, а я была как старый бесполезный шкаф. Он присел на край ванны и аккуратно убрал штору. Вовка, хоть и орал, выглядел невредимым. Никакой крови, руки-ноги на месте. Игорь ощупал его с аккуратным профессионализмом, свойственным только врачам. Каждый из них начинается со вскрытия трупов на первом курсе и заканчивает удалением аппендицита на последнем, и совершенно не важно, кем они станут потом – дерматологами, патологоанатомами или психотерапевтами, навыки все равно остаются. Это как кататься на велосипеде. Умеешь – уже не забудешь, правда, если давно не ездил, можешь грохнуться так, что не приведи господи.

– Вовочка, что болит? Скажи! Да не вой ты, скажи! – Я теряла терпение.

– Ромашка, успокойся, – призывал Игорь. – Ну а ты, партизан, чего воешь, действительно?

– Бооольна! – выдохнул Вовка, всхлипывая. Я вернула себе инициативу, умыла чумазую от слез мордашку и потащила ребенка спать. Треклятый день никак не хотел кончаться. Перед сном Вовка в пижаме скакал по кровати и требовал сказочку.

– О Лыцарях и Лжецах! Пожалуйста! – попросил он, и я покраснела от того, каким взглядом посмотрел на меня мой благородный идальго.

– Лыцари и Лжецы? – усмехнулся он. – Это не те ли самые логические задачи из математики? Такие у тебя сказочки?

– Знаешь что! Не суди меня и не судим будешь, – возмутилась я. – Все рассказывают своим детям те сказки, что рассказывали им.

– Твоя мама? Прости, не поверю. Никак не готов согласиться, что она тебе про Рыцарей и Лжецов читала.

– Ну не мама – папа.

– Слушай, а сестре твоей тоже такие сказки читали? – заинтересовался идалго. Я отвернулась и сделала вид, что не услышала или не поняла вопроса. Я не намерена тут давать показания против своей семьи. Нет, такие сказочки на ночь, которые бы подходили для изучения высшей математики или, скажем, теоретической физики, Лизавете не рассказывали. Она не засыпала под них, а только капризничала. Папа отрывался со мной. Я была его детище, его оплот и его стоик. Он рассказывал мне о корпускулярно-волновом дуализме и о парадоксах научных границ, когда химия вдруг кончается и становится физикой, а физика вдруг превращается в математику. Цифры танцевали у меня в голове, как это было в фильмах по книгам Дэна Брауна. Они вспыхивали и исчезали, и только папа понимал все очарование геометрии простых чисел.

– Не слушай его, Вовочка, – пробормотала я. – Про Лжецов – значит про Лжецов. Расскажу тебе сказку про великого царя Эпименида и его парадокс. Хочешь?

– Да, да! – обрадовался Вовка. Я улеглась поближе к стене, завешенной стареньким Лизаветиным ковриком с оленем.

– Ложись и слушай, – прошептала я самым загадочным тоном, на который только была способна. Игорь Вячеславович, улыбаясь, расположился на полу, тоже на ковре, только купленном мною в Икее. В полумраке, где тьма рассеивалась только светом ночника, его лицо стало напоминать лицо древнего жреца перед жертвоприношением, склонившегося над огнями факелов. Сумрак добавлял ему какой-то первобытной привлекательности, как будто он был магом из царствующего рода Игры Престолов, красивых и порочных Ланнистеров. Улыбка привыкшего побеждать, уверенность в себе, отделявшая прочной стеной людей первого мира от всех остальных, от нас. То, как сильно меня притягивал физически мой Апрель, было скорее проблемой, чем бонусом. Я боялась таких чувств, боялась того, насколько неотвратимо мой взгляд возвращается к нему, как физически непреодолимо желание прикоснуться к нему.

Я заговорила. Я рассказала историю критянина, который, возможно, и жил на Крите, а возможно, никогда там не был или не существовал вовсе. Я сделала его царем, так как дети любят истории про царей и колдунов. Я рассказала о неведомом царстве критянина Эпименида, справедливейшего из царей, прощавшего всех, кроме лжецов. Он судил справедливо и был милосерден, и царство его процветало, когда к

нему на поклон пришли люди из одной критской деревни. Один деревенский житель обвинил других в том, что они не говорят ни слова правды.

– Не может же быть, чтоб они не говорили ни единого слова правды! – воскликнул Эпименид, выслушав жителя. – Ты лжешь, селянин!

– Я не лгу, о великий царь, – воскликнул тот. – Это они лгут.

– Нет, почтеннейший Эпименид, – возразили другие жители, – мы не лжем, это он лжет!

– Либо он лжет, и вы говорите правду, либо вы лжете, а он честен, – возмутился Эпименид и потребовал доказательств. Долго шла тяжба, и когда Эпименид выслушал все стороны и рассмотрел все доказательства, он пришел в отчаяние от того, сколько лжецов было вокруг. Вынося вердикт, Эпименид велел покарать всех жителей деревни.

– Все критяне – лжецы, – вскричал Эпименид в сердцах. – Всем отрубить головы!

– Как! – встрепнулся сонный Вовка.

– Тише-тише, – улыбнулась я. – Это еще не конец сказки. Когда Эпименид сказал так, вышел старый-старый критянин и спросил Эпименида, правду ли тот говорит. Эпименид швырнул в критянина своим кубком с вином и спросил, как смеет тот обвинять его, Эпименида, в том, что тот лжет, ведь всю свою жизнь великий царь посвятил тому, чтобы говорить только правду. Нет, воистину, все критяне лжецы и

должны быть убиты.

– И что тогда? – спросил мой Апрель.

– Тогда старый критянин сказал, что несправедливо будет казнить людей по незаслуженному обвинению, ибо если Эпименид сказал правду, тогда получается, что как минимум один критянин не лжет. Сам Эпименид – тоже критянин. Услышал это Эпименид и не знал, что сказать. Так не порубил он головы жителям деревни, отпустил всех с миром, а сам ушел в самую высокую башню на Крите раздумывать над своим вопросом, да так и не вернулся больше. С тех пор никто не может до конца разгадать парадокс, все ли лжецы на Крите или не все. Ведь так же можно утверждать, что, сказав правду о том, что все критяне лжецы, Эпименид не включил туда себя, а значит, он соврал, сказав неправду, и тогда чистая правда в том, что все критяне – лжецы.

– Фая, это бесподобно! – прошептал мне вдруг Игорь. – Самая лучшая сказка из всех, что я слышал.

– Серьезно? – нахмурилась я. Сказка была так себе, если не сказать хуже, и такие восторги выглядели... м-м-м... подхалимажем. Впрочем, почему бы я должна быть против.

– Да о чем ты! Идеально! Я сам чуть не уснул. Особенно когда началась эта часть про Эпименида, который, говоря правду, одновременно лгал.... О, я побоялся только свернуть себе челюсть, так сильно я захотел зевнуть. А Вовка – тот уснул, как только жителей деревни помиловали. Он и до этого-то додержался с трудом.

– Ну тебя! – Я возмутилась и запустила старым плюшевым медведем в этого бессовестного варвара, рассеявшегося на моем полу. То есть не на моем, а на полу моей сестры, на котором мне предстояло проживать всю ближайшую неделю. Мы потихонечку выскользнули из детской и вернулись на кухню, где наконец смогли попить чаю. Оба были уставшими и измотанными, день, обещавший только безмятежные радости жизни, оказался длинным и трудным. Наш поход к сестре в больницу, казалось, был не сегодня, а несколько дней назад. Теперь, оказавшись наедине, мы сидели и пили чай, как старые супруги, которым даже говорить не о чем. Игорь заглянул в почту на своем телефоне, потом позвонил какому-то клиенту, чье письмо лежало у него в ящике, и назначил встречу – на понедельник, у него в офисе.

– Интересно, чего хотят твои клиенты, когда записываются к тебе на прием? – спросила я, пользуясь своим любопытством как инструментом, чтобы разбить лед, неожиданно образовавшийся между нами. Игорь склонил голову к плечу и долго смотрел на меня, словно решая, заслуживаю ли я честного ответа или можно обойтись какой-нибудь глупой шуточкой про лжецов.

– Что могло привести тебя ко мне в кабинет? – Он решил ответить вопросом на вопрос.

– Я не знаю. Если бы я соскучилась по тебе, наверное.

– Ты бы соскучилась по мне? – с сомнением спросил он, и я уцепилась за это как за соломинку.

– Конечно же, я бы соскучилась по тебе.

– Странно. Мне кажется, в твоей системе координат я просто маленькая точка, удаленная как от оси X , так и от оси Y .

– Но ведь есть еще и ось Z , – добавила я. – И потом, это странная идея. Как давно ты смотрелся в зеркало? Меня удивляет весь этот разговор в целом.

– Ты считаешь себя непривлекательной внешне? – уточнил Игорь, но не так, как это делают обычно мужчины в таких случаях. Я уже слышала этот вопрос. Многим его задают, потому что женщины склонны к своеобразному кокетству, суть которого – подтолкнуть мужчину к комплиментам. Они спрашивают «ты считаешь себя некрасивой» так, словно сама мысль об этом кажется им абсурдной, нелепой и даже преступной. Они дают понять, что красота их женщины не обсуждается. Игорь спрашивал – уточнял, он интересовался мной как предметом исследования, и если бы сейчас он мог где-то раздобыть хорошую лупу, он бы стал смотреть на меня сквозь нее.

– Я не считаю себя привлекательной, – призналась я, – но я не считаю это проблемой. Да, конечно, смотреть на себя в зеркало каждый день – это само по себе имеет привкус кары небесной, но я полагаю, что и самые красивые люди устают от самих себя. Даже такие, как ты.

– Ты считаешь меня красивым? – Он говорил тем же тоном естествоиспытателя, но я знала – такие вещи не могут не нравиться. Люди любят, когда их любят. Я пожала плечами.

– Ты красив, и все тут. Если ты не замечаешь этого, то по той же самой причине – ты слишком много лет видишь в зеркале одно и то же лицо.

– Не всегда, – сказал он серьезно. – Не всегда я не нравлюсь себе. Чаще всего я не задумываюсь об этом, но иногда, поймав свое отражение в витрине магазина – ты ведь тоже делаешь так, моя Ромашка, все делают так, – иногда я вдруг отмечаю, буквально на какую-то долю секунды, что я вполне доволен тем, что я – это я.

– О, незнакомое чувство, – рассмеялась я. – Я обычно злюсь, когда вижу себя в витринах.

– Но ты красива, ведь ты красива! – в конце концов возмутился он, и разговор поехал по наезженным рельсам, которые тем не менее для того и проложены, чтобы людям было комфортно по ним скользить.

– Значит, я красива?

– Ты – как ночная луна на юге, но на тебя надо смотреть, лежа на камнях или на теплом песке. Слишком высоко, люди редко находят время, чтобы выбраться на ночь, люди предпочтут сон.

– Я не знала, что ты поэт, – ответила я хрипло. Моя память – злая тюремщица – оживила воспоминания, как я лежала на камнях, и как тепла была ночь, и как чернело небо над головой. – Многим девушкам ты это говорил?

– Я вижу тебя, забывшую, где ты и зачем пришла, просто глядящую в морскую даль, и твои волосы будет перебирать

ветер. Я бы хотел знать, о чем ты будешь думать в такой момент, но если тебя спросить, ты ответишь – так, ни о чем. Но твои глаза говорят обо всем за тебя, и говорят, что все так ясно – твои мысли прозрачны. Ты любишь мир и любишь людей, и не потому, что мир хорош, а люди заслужили твоей любви, ты любишь мир и людей вопреки.

– Ты преувеличиваешь. Фантазируешь, – прошептала я, и последние силы ушли на то, чтобы не заплакать – это были бы ужасно глупые слезы.

– Потому-то ты и не смотришь ни на кого, проходишь словно бы сквозь людей, будто внутри тебя постоянно крутят какое-то кино, и ты следишь за сюжетом. И я часто представляю тебя в больших солнцезащитных очках, как те, за которыми ты прятала свой фингал. Они – как забор с колючей проволокой наверху. Не входи – убьет. – Он рассмеялся и отхлебнул из чашки остывшего чаю. Я подумала – я даже не покормила его.

– Никогда не думала, что посылаю такое сообщение.

– Все ты знаешь, не притворяйся. Ты спросила, с чем ко мне люди приходят? Они хотят успеха, ищут уверенности в себе, смысла в жизни или же одобрения. Они сосредоточены на себе и своем месте в мире, им хочется занять как можно больше этого места.

– И ты помогаешь им?

– Ты намекаешь на тренинги по мотивации? – грустно вздохнул Апрель. – Каюсь, грешен. Я продался за деньги,

если ты это имеешь в виду. Я мог бы сказать, я просто делаю свою работу, но это была бы неправда, потому что я еще и люблю ее. Потому что я, так уж вышло, люблю людей. Мне нравится наблюдать за ними, подталкивать их немного и смотреть, что получится. Люди не перестают меня удивлять – за столько-то лет. Ты не согласишься.

– Почему? Я поверю. – Я снова пожала плечами. – Я просто не думала, что это хорошая новость. Обычно мое удивление всегда со знаком минус. И не говори мне, что это просто моя защитная реакция. Это как с нашей блокадой на работе, я никогда не думала, что Постников дойдет до такого – разрушить весь наш отдел. Но видишь, люди и меня не перестают удивлять. Только при чем тут любовь?

– В тебе много любви. – Он говорил, словно обвинял меня в этом. – Много красоты и много любви, и ты решила прятаться от людей, чтобы тебя не растащили, не разворовали по камешку, по песчинке. Поэтому тебе так хорошо среди машин, ты не выносишь слишком много лжи. Как тот твой Эпименид, ты хочешь, чтобы все и всегда говорили одну только правду, но люди так не могут. Им больно, им страшно, они хотят, чтобы им почитали на ночь нормальную сказку. Слишком много правды – и лекарство превращается в смертельный яд.

– Это не та правда и не та красота, – возразила я.

– Я знаю, ты считаешь, что о внутренней красоте начинают говорить, когда не хватает роста или цвета глаз?

– А разве нет? – разозлилась я. – Ты нравишься мне – и ты знаешь об этом, и ты нравишься многим – и знаешь об этом. Твой внутренний мир – я понятия не имею, что это, возможно, ты хороший парень, может быть, ты станешь кому-то хорошим отцом и кому-то хорошим мужем.

– Ты считаешь, это будут две разные истории? – хмыкнул Игорь.

– Почему нет? А может быть, ты станешь ужасным мужем и скверным отцом. Завалишь все умными словами и округлыми формулировками, пока сам будешь запихивать вещи в чемодан. Или потребуешь совершенной преданности своим делам? Или станешь бить жену?

– Ну, это уж слишком, не думаешь? – Он сощурился и принялся нервно стучать пальцами по столу.

– Я не знаю, в этом и фокус. Я не знаю, но когда ты рядом, мне кажется, что меня привели в парк развлечений, что я снова ребенок, и я счастлива так, как только ребенок может быть счастлив, когда его крутят на карусели. Я не хочу думать о будущем. Я только не хочу, чтобы ты уходил. Но это глупо, потому что все равно ничего не выйдет – не как в сказке, в любом случае.

– Ты так уверена в этом.

– Я не уверена, но каковы шансы? – вздохнула я.

– Шансы всегда – пятьдесят на пятьдесят, – ответил он, и я улыбнулась и прикусила губу. – Что?

– Ничего, – покачала я головой.

– О, только не надо говорить, что это не соответствует каким-нибудь формулам, – воскликнул Игорь и поднялся со стула. – Да? Я угадал?

– Не скажу, – ответила я, еле сдерживая смех.

– Ну уж скажи, – кинул он и подал мне руку.

– Теория вероятности. Слышал? Это только кажется, что шансы всегда равны, что все – пятьдесят на пятьдесят. И вообще, людям свойственно неправильно оценивать шансы, – пробормотала я, вставая со стула. Игорь притянул меня к себе, но не поцеловал, а потащил куда-то. Я пошла за ним, но он повернулся, остановился и посмотрел на меня.

– Ну и что? И что?

– Как тебе объяснить... К примеру, люди переоценивают шанс выиграть в лотерею, который реально намного меньше, чем им кажется. Они говорят себе – кто-то же выигрывает. Один из миллиона. Но один из миллиона – это ничтожно малый шанс. Практически это означает, что нужно играть в лотерею несколько столетий подряд, каждый день, чтобы появилась гарантия на выигрыш. С другой стороны, люди недооценивают шансы встретить в огромном городе кого-то знакомого. Шанс на это выше, чем им кажется. Все люди используют одни и те же транспортные средства, причем примерно в одни и те же часы, и делают это день за днем. Шанс на то, что рано или поздно встретишь хоть кого-то из знакомых, очень и очень высок. На самом деле такое может случиться даже на другом конце земли. Но это не повышает

шансы выиграть в лотерею.

– Отлично, отлично, – кивал Игорь. – А как ты оцениваешь наши с тобой шансы на то, чтобы добраться до какой-нибудь подходящей постели?

– Как... как высокие, – ответила я, но голос предательски дрогнул, а колени задрожали и подогнулись.

– Почему?

– Потому что тут полно кроватей? – спросила я неуверенно.

– Да нет же, премудрая ты Ромашка! Просто потому что я ужасно тебя хочу, понимаешь? А когда ты говоришь о теории вероятности, то еще больше.

– Серьезно? – рассмеялась я. – И что с тобой не так?

– Со мной не так – ты, – ответил он и вдруг подхватил меня на руки. О, психология, о науки и мудрые умы – каким не важным все становится, когда красивый мужчина несет тебя на руках и бросает на постель. Что может значить вся теория относительности, хоть общая, хоть специальная, когда тело берет власть над разумом. Я смотрела на то, как мой благородный идалго снимает с себя свитер, как стаскивает темно-серую мягкую водолазку, и мое сердце стучало как сумасшедшее, а тело сходило с ума и требовало от меня того же. Мне стало совершенно все равно, что будет завтра. Сегодня вдруг стало единственным, что имеет значение. А зря, Фая, зря.

Глава 5

Расставание – это иллюзия; с другой стороны, долги – реальность

Самым странным в понедельник стало то, что в Муравейнике ничего с пятницы не изменилось. Параллельный мир словно засосал в себя двадцать шестой этаж, и время с пространством скрутилось там в морской узел, останавливая все в одной точке – где-то между лифтовым холлом и серверными, расположенными в другом конце коридора. Сюда бы физиков-фундаменталистов, исследовать наш феномен, измерять неизмеримое и пофиксировать нефиксируемое, но вместо этого по двадцать шестому бродили мы – потерянные, никому не нужные сотрудники опечатанного отдела, потерявшего управление и руководство. Ощущение того, что все мы уже потеряли работу, а где-то в недрах Муравейника выстраивается параллельная вселенная с параллельным IT-отделом, нарастало с каждым просиженным часом.

– Где же господин Кренделев? – возмутился наконец Сашка Гусев где-то после обеда в понедельник. До обеда надежда на то, что наш мощный, надежный, как скала, босс най-

дется, еще была. – Где-то же он должен быть? Чего бы ему не вступить за нашу честь или хотя бы не выяснить, что за фигня происходит.

– Может быть, пойти к начальству и спросить? – предложила Яна, у которой от дурного предчувствия прорезался дикий аппетит, и теперь она ела практически без остановок. Печенье, сухарики, всякие генетически модифицированные шоколадки из аппарата, установленного в холле первого этажа, там же, где прорастали вверх лифты. Фраза Яны застала нас врасплох. Ни один айтишник никогда в жизни подобру-поздорову не пойдет к начальству, это будет своего рода моветон и нарушение субординации. Начальство ходит к нам, к нам вообще все должны приходить сами – с дарами и подношениями и просьбами разблокировать Интернет, или написать программу, или найти тот файл, который «был, я клянусь, я только на секундочку отошла, а он как-то сам собой стерся».

– Я не пойду, – буркнул Саша и выразительно поглядел на меня. Я сидела на подоконнике, держала в руках электронную книжку с провокационным названием «Как пасти котов». Название неочевидно передавало содержание, поэтому издатели добавили к титлу приписку – «наставления для программистов, руководящих другими программистами». Я никогда никем не руководила и не собиралась, но само слово «наставления», от которого так и веяло чем-то патриархальным, основательным, подлинным – особенно в сочетании с

термином «пасти котов», – подвигали меня к прочтению. Я надеялась на комедию.

– Я тем более не пойду, – покачала я головой. Уже первые страницы электронной книги разочаровали. «Программисты подобны котам, они гуляют сами по себе». Ну, допустим. А дальше – прямо в духе моего дражайшего Игоря Апреля, книга обещала научить, как приручить программиста дикого природного к жизни в неволе и как научить его прыгать через палочку и даже... о боже... сквозь огненное кольцо. Не комедия, а нечто вполне подошедшее бы для семинара имени того же дражайшего Апреля. Именно это и было самым огорчительным в книге. Некоторые фразы оттуда звучали так знакомо, что я будто слышала голос моего драгоценного психотерапевта, по которому я скучала, в чем я категорически не хотела признаваться самой себе.

Мы расстались с ним вчера еще до обеда. Игорь сказал, что «поедет, пока не начались пробки», – хотя ну какие, спрашиваю я вас, пробки в воскресенье? Дачники, что ли, полетели на юг? Апрель же, ну никаких же дачников. Я спорить не стала, тем более что Вовка капризничал, а мама моя грозилась приехать и приготовить еды нам и Лизе в больницу. Игорь посмотрел сквозь меня куда-то в сторону двери, а я подумала – вот так бывает, когда мужчине ничего больше от женщины не нужно. Подумала – и захотела ударить психотерапевта его же ботинком по голове. Но он меня опере-

дил – обулся.

– Эй, Ромашка, ау! А почему ты-то не пойдешь? – возмутилась Яна. – У тебя вид представительный, тебе и карты в руки. Ты всегда ходила.

– Это я всегда к Кренделю ходила, – воспротивилась я справедливости ради. – А к какому другому начальству я ни за что. Да и что во мне представительного, а? Угги?

– Ты смотришься как человек, который знает, чего хочет, – заливала Яна не без элемента подхалимажа.

– Гхм!

– У тебя и фингала под глазом уже нету, – меланхолично добавил Саша, да еще таким тоном, будто это обстоятельство необычайной редкости и им нужно воспользоваться. – Иди, Фая, иди. Сходи, будь человеком.

– А вы, значит, все тут с фингалами сидите? – Я почувствовала смутно неопределенную злость на Сашку за то, что он мне напоминает мой фингал, полученный самым невообразимым для девушки образом – в магазинной драке. Еще я злилась за то, что Крендель пропал – ни ответа, ни привета, и вообще – на жизнь. И на то, что благородный мой идалго, который так боится пробок на воскресных дорогах, куда-то пропал, а девушкам первым звонить не рекомендуется во избежание потери реноме. Поэтому вместо того чтобы отирать пороги кабинета Игоря в соседнем здании, я сидела на подоконнике и читала книжку про то, как разбудить в себе ли-

дера, а сама думала – так ли уж оно мне нужно, реноме это...

И все-таки почему он не звонит?

– Спроси у своего Джонни, может, он чего знает? – предложила Яна, продолжая методично запускать руку в пакет с чипсами. Джонни – наш охранник, дородный мужчина лет тридцати пяти, вся заслуга которого перед жизнью исчерпывается тем, что он ходит на работу опрятным. Джонни не умеет ничего, не знает ничего, ничем не интересуется, кроме разве что того, чтобы «слазить в баньку», но тем не менее совет был не так уж плох. Большая часть трудовых обязанностей нашего стража по прозвищу Джонни состояла из безделья, жутких рож из разряда «без пропуска проход запрещен и карается расстрелом на месте» – и... сплетен. Поскольку мне все равно нужно было чем-то заниматься, а звонить первой было смертельно опасно для моего реноме (будь оно проклято), я спрыгнула с подоконника, отбросила в сторону пособие по выпасу котов и отправилась на охрану.

Лифты, холлы и переходы в Муравейнике были оформлены в соответствии с нашим нефте-газо-садо-мазо-статусом – иными словами, роскошно. Предполагалось, что по мраморным полам будут ходить до блеска начищенные ботиночки, что в укромные норки въездов подземных парковок будут заплывать дорогостоящие «суда», сияющие неподдель-

ным золотым блеском. Программисты – любые программисты – всегда были темным пятном на репутации холдинга, но все смиряться, пока наш начальник, лучезарный Крендель, соблюдал дресс-код и носил галстуки и часы соответствующей стоимости.

– Ромашка, ты ли это! – радостно поприветствовал меня ломающий челюсть от скуки зевающий Джонни. Профессиональный риск.

– Джонни, как ты это выносишь, поделись секретом? – взмолилась я, забираясь в его берлогу. В комнатке было тепло и странно пахло – так, словно там кто-то покуривал, но под большим секретом и выветривая весь дым в форточку, выходящую на задний двор. Дым выветрился, но запах остался. Впрочем, возможно, он шел от мебели – стульев и старого дивана с обивкой из искусственной кожи, стоявшего тут еще в те незапамятные времена, когда в помещениях курили.

– Как я выношу... – задумался он. – Я просто говорю себе – да, она странная и зовет тебя Джонни, но она же тоже человек, в ней нет чистого зла, и потом – она же все-таки женщина, а бить женщин грешно. Понимаешь, грех!

– Спасибо тебе, Джонни, что ты такой терпеливый, но я спрашивала не об этом, – рассмеялась я, присев на краешек заваленного газетами стола. Все газеты были, что называется, обработанными, кроссворды разгаданными, сканворды тоже, даже sudoku своей участи не миновали. – Я интересу-

юсь, как ты можешь часами сидеть и вообще ничего не делать, это же ужасно тяжело – вообще ничего не делать. Я бы точно не справилась, я бы подвела коллектив. Я бы побежала картошку копать – прямо тут, в нашем дворе. Всю брусчатку бы расковыряла.

– Что, Ромашка, синдром отключения от сети? – захотел Джонни, механически доставая из шкафчика вторую чайную чашку – меня поить. Я была как залетевший зимой в окошечко воробей, меня всегда становилось жалко. Я этим пользовалась без зазрения совести.

– Откуда ты слова такие только знаешь – синдром. Я, может, к тебе как к спасителю пришла – за информацией. – Я приняла из его рук чашку с мутноватым и вообще каким-то подозрительным чаем, но возражать не посмела. Отпила коричневой жидкости. На вкус жидкость была – касторка, которую на неделю забыли в банке на подоконнике. Я мысленно перекрестилась и помолилась, чтобы не помереть от этого пойла. У Джонни желудок закален в боях, а я человек слабый, к тому же малопьющий, прямо беда.

– Информация нынче в цене, – кивнул Джонни, и я сразу поняла, что что-то ему известно. Что-то он знает. Шальная надежда на то, что мой благородный идалго спрашивал у Джонни обо мне, полоснула по живому, но я тут же заткнула мечты обратно в их потайную нору в моем бессознательном. Мы были не так хорошо знакомы с идалго, чтобы он знал, с кем я дружу и у кого можно раздобыть обо мне информа-

цию, – это раз. У нас даже не было ни одного нормального свидания – это два. И мы уже занимались сексом, так что он, вполне возможно, успел потерять интерес к сложной, обремененной племянником и сестрой девице – это три.

– Джонни, где наш Крендель, не знаешь? – спросила я напрямую. Джонни встал, подошел к окну и внимательно осмотрел наш утонувший в грязи внутренний двор. Весна была такой мощной, такой быстрой, что в определенных местах московской действительности можно было принимать грязевые ванны – погружаясь в жижу хоть целыми грузовиками. Я смотрела на Джонни и с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Он повернулся ко мне и посмотрел так, как смотрят герои фильмов Тарантино, когда в каждом их слове есть скрытый подтекст.

– Внимательно выбирай вопросы. Спросишь о чем-то не том, и я не смогу дать тебе ответ.

– О господи, Джонни, сейчас ты похож на Джеймса Бонда, нужно только надпись на рубашке «охрана» сменить на тайную секретную кодировку. Такую, в которой есть лицензия на убийство.

– Означает ли это, что теперь ты станешь звать меня Джеймсом? – любопытствовал он, сощурившись на манер, как это делал Дениэл Крейг в фильмах про секретных агентов.

– Все может быть, все может быть, – причмокнула я и снова – вот балда – отхлебнула из чашки с мутной жидкостью,

на этот раз чуть не подавившись. Джонни улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.